

Ольга Куно

Невеста по завещанию

Мужчина — это нечто противоположное!

Ольга Александровна Куно
Невеста по завещанию
Серия «Невеста по завещанию», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8041962
Невеста по завещанию: Фантастический роман: Альфа-книга; Москва; 2014
ISBN 978-5-9922-1847-3

Аннотация

Как говорится, из огня да в полымя. Едва Ника покинула стены строгого, опостылевшего пансиона, как сразу попала в замок к виконту Телбриджу, невестой которого оказалась по завещанию покойного отца. Виконт мрачен, нелюдим и совершенно не жалуется вновь обретенную невесту. То ли дело молодой и обаятельный лекарь, который предлагает Нике бежать из замка и тайно обвенчаться в маленькой часовне. Вот только не все так просто, как может показаться. Лекарь отнюдь не кристально честен, виконт совсем не так страшен, да и сама Ника далеко не обычная девушка, ибо обладает редким даром Живой Крови. И теперь ей предстоит научиться отличать черное от белого в этом непростом, запутанном мире. И конечно же найти свою любовь.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	29
Глава 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Ольга Куно

Невеста по завещанию

Глава 1

Карета остановилась перед массивными каменными ступенями, ведущими к входу в замок. В последний раз скрипнуло многострадальное колесо, возвещая о конце путешествия. Я расправила плечи, покрутила головой из стороны в сторону (шея основательно затекла) и распрямила ноги, насколько мне позволяли размеры кареты. Оказывается, продолжительное сидение на одном месте – особенно если оно сочетается с монотонной, выматывающей душу тряской, – может утомить сильнее тяжелой работы.

А ведь я так ждала этой поездки. Боялась, конечно, не скрою, очень боялась, но и ждала тоже. Даже не знаю, какое чувство было сильнее. Желание покинуть пансион после четырех невыносимо долгих лет было настолько сильным, что притупляло даже страх перед неизвестностью. И поначалу я действительно получала удовольствие от поездки: сидя в карете в полном одиночестве, мне наконец-то не надо было что-либо изображать из себя. Можно было просто прилечь к окошку и разглядывать сменяющие друг друга пейзажи. Сперва шли огромные пушистые луга, словно зеленая махровая ткань, местами украшенная заплатками из цветов, – преобладали незабудки, розовый клевер, а также редко встречающиеся в других графствах оранжевые маки. Выглянув из окна, можно было увидеть далекие силуэты гор, подернутые белесой дымкой. Постепенно горы становились ближе, а луга сменились хвойным лесом, который впоследствии уступил место засеянному полям. Тогда я предположила, что мы подъезжаем, и в общем-то была права. Только не знала, что даже отсюда ехать придется почти целый час.

И постепенно, по мере того как карета продвигалась через поля к деревням, а потом через деревни к городу, эйфория отступила, а на ее месте поселилась тревога. Поначалу она была едва ощутимой, сопровождала меня легким фоном, но, стоило мрачному силуэту замка показаться из-за склона очередного холма, беспокойство захватило меня без остатка. Что-то будет...

Я качнула головой, стараясь отогнать собственные страхи. Вдруг все окажется не так уж и плохо?

Меж тем слуга, посланный хозяином замка, чтобы привезти меня сюда из пансиона, прыгнул с козел, где все это время ехал рядом с кучером, и отворил мою дверцу. Опираясь на поданную им руку, я вышла из экипажа. Не сказав ни слова – он вообще был неразговорчив, – слуга захлопнул дверцу и направился к задней части кареты, где был привязан сундук с моими вещами. Я проводила его взглядом. Этот человек казался мне немножко странным: крупный, широкоплечий и при этом несколько несуразный, весь какой-то... квадратный. Квадратным казалось и туловище, и даже голова, обрамленная светло-рыжими волосами. Впрочем, может быть, ничего несуразного в слуге и не было. Просто за годы жизни в пансионе я почти успела забыть, как выглядят мужчины...

Эта мысль заставила меня снова вспомнить о главном мужчине, обитавшем в этом замке, к которому меня, собственно, только что и привезли. Руки начали едва заметно дрожать. Спокойно, Николь, спокойно. Ты его еще даже ни разу не видела. Настраивайся на лучшее. Он может оказаться умным и приятным в общении. И даже привлекательным внешне. Кто знает? В конце-то концов не зверем же был мой отец. Мир его праху... Пусть он и не горел желанием особенно часто видеть свою дочь, но не мог же он распорядиться в своем завещании, чтобы меня отдали в жены кому-то совсем уж ужасному?

Эту мысль как молитву я повторяла про себя последние несколько дней, и с каждым разом верила в нее все меньше. Кто вообще знает, что взбрело в голову моему отцу? Да простят меня боги, я знаю, нельзя так думать о мертвых, но взять и завещать свою дочь постороннему человеку – поступок, мягко говоря, нестандартный. И вряд ли можно было рассчитывать, что он приведет меня в восторг.

– Прошу вас, госпожа. Виконт вас ждет.

С сундуком слуга выглядит еще более несуразно, но его голос звучит настойчиво, почти повелительно. Или мне только так кажется? В любом случае, я покорно киваю и медленно шагаю следом за ним к каменным ступеням. Несколько человек столпились на пороге специально для того, чтобы поглазеть на меня. Они разглядывают меня без всякого стеснения, совершенно не скрывая своего интереса. Наверное, обсуждали последние несколько дней и теперь высыпали посмотреть, совпадаю ли я с образом, который они нарисовали... И я не выдерживаю, опускаю взгляд, хотя и знаю, что так нельзя, что необходимо с самого начала правильно себя поставить. Жаль, что как раз этому-то нас в пансионе и не учили. Готовили, напротив, быть смиренными, робкими и покорными. Впрочем, и этому я научилась только притворяться. Лицемерие – главный урок, который необходимо постичь, чтобы жизнь в религиозном учебном учреждении оказалась сносной.

Слуги, хоть и в самый последний момент, расступаются. Я прохожу внутрь. Передо мной – просторный зал вытянутой формы. Впереди и чуть справа – каменная лестница, которая уводит вверх, на следующие этажи. В зале холодно и полутемно. На свечах он, что ли, экономит, этот виконт? Может быть, в таком случае я именно для того ему и понадобилась: чтобы поправить плачевное финансовое положение? Все-таки приданое у меня совсем неплохое.

Высокие витражные окна из цветного стекла. Казалось бы, красиво, но тона какие-то тоскливые, и краска с трудом пропускает внутрь солнечный свет, добавляя помещению мрачности. В центре зала опять толпятся слуги, но эти уже рангом повыше. Они тоже смотрят на меня с нескрываемым интересом, а некоторые периодически перешептываются. Я же стою перед ними в нескольких шагах от порога и испытываю почти непреодолимое желание развернуться и выбежать за дверь. Но прекрасно понимаю: бежать мне некуда и вернуться все равно придется, а тогда будет только хуже. И потому продолжаю оцепенело стоять, ожидая, когда появится хозяин замка.

Не выдержав, опускаю глаза и вижу собственные ноги, вернее скрывающую их юбку, синюю в белую полоску, достаточно длинную, чтобы быть пристойной, но в то же время и не в пол. Юбки в пол считаются нескромными, поскольку, как нам объяснили в пансионе, привлекают излишнее внимание мужчин. Вот я и стою здесь в своем ужасном ученическом наряде, в целомудренной белой рубашке, верхняя пуговица которой давит на горло так, что даже дышать тяжело, и в нелепой юбке, которая совершенно мне не идет...

Заодно я украдкой рассматриваю собравшихся. Вон тот невысокий мужчина справа, вернее всего, дворецкий, а вот этот, в приметной куртке, наверное, главный лесничий. Рыжеволосая женщина лет двадцати пяти что-то зашептала на ухо своей соседке, и обе бросают на меня насмешливые взгляды. Не могу определить ее должность. Вторая – точно горничная, но рыжеволосая одета не по форме; на ней чрезвычайно нескромное платье вызывающего красного цвета. Совершенно вопиющее непотребство. Интересно, а мне тоже позволят носить что-нибудь подобное?..

Я все-таки не выдерживаю их взглядов, которые, как мне кажется, делятся на насмешливые и враждебные. Но все время смотреть в пол тоже нельзя, и я делаю вид, будто чрезвычайно заинтересовалась висящим на стене искусно выполненным гобеленом. Это знаменитое изображение на религиозную тематику: «Святой Веллир силой мысли убивает дракона». Это лишь одна из целой серии подобных картин: «Святой Веллир силой мысли побеждает

демона», «Святой Веллир силой мысли разводит огонь» и прочая, и прочая. Я слегка улыбаюсь: вспоминаю альбом с карикатурами, который девчонки как-то раз отыскали в одной из спален между днищем кровати и матрасом. Видимо, рисунки были выполнены и спрятаны одной из прежних учениц пансиона. Помимо традиционных изображений там были добавлены еще два: «Святой Веллир силой мысли лишает святую Катильду девственности» и «Святой Веллир силой мысли зачинает святой Катильде ребенка». Улыбка слетает с моих губ: тех двух девочек, которых застали с этими рисунками, потом били по рукам розгами. И делали это публично, прекрасно понимая, что посмотреть карикатуры успели все. Бить всех не станешь, но и устрашение тоже работает неплохо.

Громкие шаги, раздающиеся откуда-то сверху, возвещают о прибытии новых действующих лиц. Вместе со слугами я поднимаю взгляд на лестницу. От страха все деревенеет внутри. Спустились двое мужчин. Один не то помощник, не то секретарь, или кто-то еще в этом роде. Но все мое внимание приковано ко второму.

Виконт Дамиан Телбридж сошел с лестницы и шагнул в мою сторону. Слуги почтительно расступились. Он остановился в нескольких шагах от меня и тоже разглядывает, откровенно изучающе. И молча. Господи, да он же годится мне в отцы! Не иначе драгоценный папочка так давно не видел свою дочь, что просто забыл, сколько ей лет, когда надумал подобрать жениха. А ей, между прочим, не более чем семнадцать! Простите меня, боги, я знаю: нельзя так о покойнике.

Возраст – это еще полбеды, но он и впечатление производит чрезвычайно отталкивающее. Мрачный, угрюмый. В глазах ни тени приветливости. Только отчужденность и почти что осуждение, словно он заведомо обвиняет меня в тех грехах, которые я не успела еще совершить, но непременно совершу в будущем. Губы плотно сжаты. Никакого намека на улыбку. Черные волосы, темная одежда, бледное лицо. Цвет глаз я не разглядела: здесь темно да я и не решаюсь смотреть ему прямо в глаза. От всего облика веет холодом. И у меня внутри все обрывается.

Нет, я не такая уж глупая и наивная, хоть и прожила несколько последних лет запертая в пансионе. Я не романтик и вовсе не ожидала, что между мной и женихом внезапно вспыхнет большое и светлое чувство. На любовь я не рассчитывала, но на что-то немного более скромное я, признаться, надеялась. Дружба? Уважение? А этот человек, кажется, испытывал ко мне лишь неприязнь. И я его уже боялась.

– Леди Вероника Фостер?

Вопрос задан таким тоном, что хочется вытянуться по струнке и по-солдатски крикнуть: «Я!». Но я просто молча киваю, внутри и без того уже чувствуя себя натянутой струной.

Он снова оглядывает меня, как будто только что узнал что-то новое. Заговаривать повторно не спешит. Слуги перешептываются, косясь в мою сторону с откровенной насмешкой. Не иначе ему нравится держать меня в нынешнем идиотском положении.

– Приветствую вас в замке Телбридж.

И на том спасибо.

– Благодарю вас, виконт.

Хотела ответить громко, но голос не слушается, и получилось едва слышное бормотание.

– Простите, милорд, куда прикажете доставить это?

Сопровождавший меня слуга успел еще раз сбегать к карете и теперь вернулся, держа в руке совсем маленький сундучок. Мое приданое. Маленький-то он маленький, почти шкапулка, но под завязку набит драгоценными камнями. Я видела. И он, виконт Телбридж, тоже прекрасно понимает, что это такое. Небось сундучок подробно описан в одном из тех писем, что мой отец отослал ему перед смертью.

– Отнесите в сокровищницу.

Голос звучит холодно, почти равнодушно, будто ему нет до приданого никакого дела. Ага, так я тебе и поверила. Если тебе нет дела ни до меня, ни до приданого, тогда с какой бы стати я здесь оказалась?

– Ивонна!

На этот раз голос хозяина замка звучит повелительно. Из группы слуг выступает невысокая, очень старая женщина. Она сутулится так сильно, что выглядит почти горбатой.

– Да, господин.

Когда старуха склоняет голову, кажется, что еще чуть-чуть – и она переломится пополам.

– Познакомьте миледи со слугами, а затем проводите в ее покои. Помогите ей обустроиться и объясните правила поведения в этом доме. Меня не беспокоить.

Последний взгляд в мою сторону. Он смотрит, слегка прищурившись, затем разворачивается и отправляется вверх по лестнице – туда, откуда пришел. Помощник следует за ним.

Ну, вот и все. Познакомились. Теперь хоть прямоком под венец.

Ивонна действительно представила мне слуг. Не всех, конечно. Тех, кто находился сейчас в зале. Дворецкий, коннетабль, горничная, повариха. Сама Ивонна была ключницей. Амандина – женщина в вызывающем красном платье – оказалась экономкой, чем основательно поколебала мои представления о людях этой профессии. Отчего-то мне казалось, что экономка должна быть женщиной лет сорока или пятидесяти, сухощавой, с бледным цветом лица и прилизанной прической. Амандина с этим образом никак не вязалась. Впрочем, что я знаю об экономках? У нас дома мама сама занималась ведением хозяйства.

Я была так напряжена, что имен остальных слуг не запомнила. Потом Ивонна повела меня вверх по ступенькам на второй этаж и там, открыв темно-коричневую дверь в конце коридора, пропустила вперед себя в одну из комнат. Мои покои мне на первый взгляд понравились. Здесь, в отличие от располагавшегося внизу зала, было светло. Единственное окно было самым обыкновенным, без витража, и довольно большим, а потому солнечный свет проникал сюда беспрепятственно. Кроме того, на столе и стенах было несколько медных канделябров, а на полке обнаружилось много запасных свечей. По-видимому, я все-таки ошиблась насчет экономии: этого добра в замке было предостаточно. И на том спасибо: хоть почитать можно. Книг, кстати сказать, тоже хватало, что несказанно меня порадовало: ими были уставлены несколько полок, а с десяток неуместившихся даже лежали поверх других. В первый раз за все время я испытала к виконту чувство, похожее на благодарность.

Пока горничная разбирала мои вещи, ключница просвещала насчет «правил поведения в этом доме». У старухи не хватало нескольких зубов, и в ее скрипучем шамканье невозможно было различить интонации, которые хоть что-то говорили бы о ее чувствах или настроении. Испещренное морщинами лицо тоже было лишено выражения, так, по крайней мере, мне казалось.

– В замке следует соблюдать тишину, – говорила ключница, не отрывая от меня цепкого взгляда. – Господин виконт не любит шума, суматохи и беспорядка. Господина виконта не следует беспокоить по пустякам. По вечерам он обычно проводит несколько часов в библиотеке. Тревожить его в это время запрещается категорически.

Ну и ладно, не очень-то и хотелось. У меня вот и собственных книг навалом, так что идти в библиотеку мне не понадобится еще долго.

– По ночам господин виконт часто поднимается в северную башню, – продолжала Ивонна. – Входить туда нельзя ни при каких обстоятельствах.

– По ночам? – изумленно переспросила я.

– Иногда и по вечерам. Но все больше по ночам.

Ключница говорила таким тоном, словно для господ это было обычное дело – вместо того чтобы спокойно спать у себя в опочивальне, шляться ночью по башням. Зачем ему это нужно? Разумеется, во мне сразу пробудился нешуточный интерес. Захотелось немедленно пробраться в эту башню и хоть одним глазком взглянуть, что же там такого притягательного, что может столь успешно конкурировать с собственной подушкой. Но я не настолько глупа и умею контролировать свои желания. И, ясное дело, ни в какую башню не пойду, ни сейчас, ни впоследствии. Запрещено, значит, запрещено. Мое положение и так незавидное, к чему усугублять его еще больше?

Должно быть, удивление все еще было написано на моем лице. У меня живая мимика, тут ничего не попишешь, хотя при некоторых обстоятельствах это большой недостаток. Старуха глядела теперь как-то по-другому, по-моему, с жалостью.

– А вообще, миледи, если я могу позволить себе дать вам совет... Будет лучше вам и вовсе не беспокоить господина виконта без крайней необходимости, – прошамкала она.

Именно так я и поняла. В сущности, все правила поведения сводились исключительно к этому. Не беспокоить, не тревожить, не шуметь, не мелькать перед глазами. Все предельно ясно. Непонятно только одно: зачем вообще господину виконту жена? Слуги – ладно, это как раз неудивительно. Кто-то же должен поддерживать комнаты в чистоте, наводить порядок, готовить еду, чтобы господину виконту не приходилось заботиться о столь приземленных вещах. А впрочем, может, и жена нужна ему для того же? Чтобы не приходилось задумываться о физиологических потребностях? Ну дабы они не препятствовали спокойному сидению в библиотеке и – по ночам – в северной башне? От этой мысли меня передернуло. Я вообще очень плохо представляла себя в постели с мужчиной, а уж с виконтом... Охраните боги! Впрочем, здравый смысл с неумолимой прямоотой подсказывал: не охранят.

– Хорошо, Ивонна, я учту ваш совет.

Я говорила уважительно, но в то же время постаралась своим тоном дать понять, что ничего не обещаю и все решения буду принимать самостоятельно. Получилось ли? Не знаю.

Я обернулась на горничную; та продолжала сосредоточенно раскладывать вещи. Что там так долго раскладывать? У меня и вещей-то почти нет. Всего несколько платьев все того же ученического фасона, да еще и старых. стыдоба. Но в школе с одеждой было не разгуляться. Не из финансовых соображений, нет. Просто так в нас воспитывали скромность.

– В какое время спускаются к завтраку? – спросила я, снова оборачиваясь к старухе.

Та бросила на меня какой-то странный взгляд. Неловкий, что ли? Но голос ее во время ответа не дрогнул.

– Еду вам будут доставлять в ваши покои. Вы можете распорядиться, чтобы ее приносили тогда, когда вам это удобно.

Еще лучше. Стало быть, виконт не собирается со мной встречаться даже во время трапезы. Весьма оригинальные правила. По общепринятым нормам хозяин замка завтракает, обедает и ужинает в обществе не только членов семьи и дальних родственников (если последние проживают на его территории), но и слуг высшего звена. Однако похоже на то, что виконт намерен, насколько это возможно, привязать меня к этой комнате. Спасибо, что пока не физически.

Горничная закончила наконец возиться с вещами, отодвинула к стене опустевший сундук и, стараясь не привлекать к себе внимания, как и положено служанке, выскользнула из комнаты. Ивонна тоже собралась уходить.

– Желаете, чтобы я прикрыла окно? – спросила напоследок она.

– Нет, – устало мотнула головой я. – Оставьте как есть.

– Хорошо, миледи. Только будьте осторожны, не простудитесь на сквозняке.

Я проводила ключницу взглядом, пока она, сторбившись, выходила из комнаты.

Не простужусь. Я вообще никогда не болею.

Оставшись наконец одна, я встала, опираясь обеими руками о спинку стула, и с шумом выдохнула. Потом взяла с полки свой гребень и подошла к висевшему на стене зеркалу. Это был кусок стекла овальной формы в массивной черной раме, в котором отразилось изможденное лицо запуганной девочки. Не так чтобы полной, но и не субтильной. Лишнего веса у меня нет, но кость широкая, что время от времени заставляло меня комплексовать, сравнивая себя с идеально тонкими фигурами некоторых девочек. Большая грудь тоже заставляла отчаянно комплексовать. Учительница Ариадна, очень строгая и чопорная жрица, хмурилась и говорила, что это большой недостаток, ибо привлекает внимание мужчин и вызывает в них плотские чувства. Правда, учительница Литана, более молодая и более мягкая, потихоньку говорила, что большая грудь – это, наоборот, хорошо, поскольку означает, что у меня вернее всего будет много молока после родов. Дескать, для жриц эта сторона вопроса значения не имеет, потому что учительница Ариадна ее и не учла. Меня отчего-то не приводили в восторг ни упреки последней, ни подбадривание Литаны.

Зато насчет моих глаз мнение было единодушным. Зеленые глаза – это от демонов, и потому они являются признаком греховной сущности. Единственное, что могло слегка компенсировать такой недостаток, – это мое имя, вернее, первая его часть. Девушка, имя которой начинается со слова «вера», не может быть совсем безнадёжной. Вот только жрицы не знали, что я не воспринимаю себя как Веронику, а я не спешила их на этот счет просвещать. Мой отец был бароном, и в силу каких-то сложных дворянских правил его дочь, пусть и незаконную, следовало назвать именем, которое начиналось бы на букву «В». Так и появилась Вероника, но мама всегда называла меня Ника или Николь. И только после ее смерти, когда с легкой руки отца я попала в пансион, имя, данное при рождении, всплыло снова.

Круглое лицо обрамляют каштановые, распущенные волосы. Ни длинные, ни короткие. Никакие. Короткие стрижки начали входить в моду еще до того, как я попала в пансион, но в ультрарелигиозной среде они считались неприемлемыми: женщина не может одеваться или стричься подобно мужчине. Когда же мои волосы отрастали достаточно длинными, что мне весьма нравилось, они начинали потихоньку виться. Это тоже не поощрялось, как, впрочем, и все излишне женственное. Так что стоило моим волосам отрасти чуть больше, чем считала допустимым учительница Ариадна, как ко мне вызывалась девушка, которая занималась стрижками. Все лишнее немилосердно отстригали большие грубоватые ножницы. А то, что оставалось, тщательно прилизывалось на голове и собиралось в тугий хвостик. Собственно, именно с такой прической я и приехала сюда.

Отступив от зеркала, я еще раз огляделась. Снаружи постепенно темнело; окно выходило на запад, и, высунувшись из него, я увидела закат, алеющий над силуэтами гор. Красиво. Затем я осмотрела кровать, стол, стулья и полки. Быть может, все не так уж и плохо. Во всяком случае, здесь, в отличие от школы, у меня есть своя собственная комната. К тому же в моем распоряжении масса книг.

Я в предвкушении подошла к полкам и принялась рассматривать корешки. Чем больше я вчитывалась в названия книг, тем мрачнее становилась. «Житие святого Веллира», «Псалмы и молитвы», «Пятьдесят восемь способов искупить грехи», «Как стать безгрешной женщиной», «Демоны и борьба с ними», «Мода для скромниц», «Сто величайших жрецов всех времен», «Сто величайших жриц всех времен», «Инструкции по применению пояса верности», «Целомудрие для чайников», «Проповеди святого Иттара». Последнее произведение – в двенадцати томах.

Я тихонько зарычала, сжав руки в кулаки. Он что, издевается, что ли? Или просто тонко намекает на то, какой я должна быть скромной и набожной? Так я и без него это знаю, в меня эту науку без малого четыре года впахивали всеми возможными способами! В том, что я оказалась не слишком подходящим сосудом для подобного материала, учительницы

не виноваты. Они искренне старались. А я быстро научилась делать вид, что жадно ловлю каждое их слово. И искренне верю всему, чему нас обучают. Что нельзя нравиться мужчинам, что зеленые глаза от демонов, что главное украшение девушки – скромность, что чтение любой литературы, кроме религиозной, развращает. И, позволяя себе скрежетать зубами лишь по ночам, ждала, как когда-нибудь выйду из этого замшелого пансиона в свободный мир, будто из склепа на свет. И вот дождалась. Вышла.

Какое-то время я все-таки потратила на чтение. Скрепя сердце выбрала из всей имевшейся литературы жизнеописание святого Гастона, понадеявшись, что книжка худо-бедно сойдет за роман. За роман она, возможно, и сошла, но только за очень скучный. Поэтому чтение мне быстро надоело, к тому же за окном окончательно стемнело, и глаза постепенно устали вылавливать буквы при свете свечей. Я отложила книгу и решила немного пройтись по замку.

Да, конечно, мне было велено не беспокоить виконта и не путаться у него под ногами. Но ведь запрета на выход из комнаты не было, верно? Сейчас виконт, скорее всего, находится в библиотеке. Туда я, так и быть, не пойду, хоть и хотелось бы, конечно, подыскать себе более нормальное чтиво. А может, в замке нормальных книг и нет?.. Еще он может оказаться в северной башне, туда я не стану наведываться тем более. Просто немного осмотрюсь и сразу же назад. А если увижу виконта, постараюсь быстренько нырнуть в тень, чтобы он меня не заметил.

Так я и сделала. Действительно вышла из своих покоев. И действительно увидела виконта. Я успела пройти совсем недалеко: добралась от своей двери до лестницы. И услышала, как кто-то поднимается по ступенькам. Еще не зная, кого именно увижу, на всякий случай спряталась за той частью лестницы, что вела на следующий этаж. А спустя секунду услышала голоса.

– Как насчет массажа?

Это женский голос.

– Чудесная идея.

Мужской.

– Надеюсь, она к нам не ворвется?

– Брось, с чего бы это?

Когда шаги стали постепенно удаляться по коридору, я осторожно выглянула из-за ступенек. Узнать этих двоих не составило труда. Виконт и Амандина. Они шли рядом, он держал руку у нее на талии. Возле входа в одну из первых комнат они остановились, виконт толкнул дверь, потом притянул экономку к себе и поцеловал в губы. А затем затащил ее внутрь. Прежде чем дверь захлопнулась, я успела услышать женский смех. Должно быть, это была ее спальня. Его покои располагались совсем в другой части коридора.

Я на цыпочках вышла из-за лестницы. Щеки пылали так, словно это меня только что застукали в объятиях мужчины. Медленно, стараясь двигаться как можно более бесшумно, я возвратилась в свои покои и, закрывшись, прижалась спиной к двери.

Обуревавшие меня чувства были весьма противоречивыми. С одной стороны, я радовалась тому, что для удовлетворения физических потребностей у виконта есть в замке другая женщина. Это оставляло шанс на то, что он не будет слишком сильно интересоваться на этот счет моей персоной. Если не будет интересоваться вообще, то тем лучше. С другой стороны, сколь это ни глупо, я чувствовала себя глубоко уязвленной. Как бы то ни было, я все-таки его невеста. И я только что приехала в замок. А он уже изменяет мне прямо здесь с экономкой, не слишком-то при этом и таясь? Да, знаю, нас всему этому учили. Измена есть грех в любом случае, но изменившую жену муж вправе выпороть плетью, а в случае повторной измены обойтись с ней и покруче, в то время как обманутой жене остается лишь покорно сносить

свалившиеся на нее тяготы. Но это несправедливо! И он хотя бы ради соблюдения приличий мог проявить ко мне немного большее уважение!

И снова мне не давал покоя вопрос: зачем??? Зачем я понадобилась виконту? С какой стати он надумал взять меня в жены? Я совершенно лишняя здесь, в замке, и это весьма доходчиво было мне продемонстрировано. Об этом нашептывал гуляющий в коридорах ветер, об этом угрюмо молчали холодные камни, и, как я теперь понимала, об этом же всю дорогу надрывно скрипело то многострадальное колесо. А то, чему я стала свидетельницей сейчас, просто явилось последним подтверждением. Мне некуда идти и остается только смириться. Но, во имя богов, зачем???

Глава 2

На следующий день я совершила еще две вылазки. Отыскала библиотеку – хотя заходить туда не решилась, – обнаружила обеденный зал, приемную, тренировочный зал и выход в сад. Виконта, к счастью, не встретила и впервые за этот день увидела его, только когда он сам пришел ко мне в покои.

Он постучался и даже благородно дождался, пока я дам разрешение войти. В тот момент я сидела на стуле, но, увидев, кто именно нанес мне визит, сразу же вскочила.

Одет виконт был по-другому, но снова в темные тона. Пока он оглядывал комнату, я украдкой продолжала изучать его. Черные волосы не длинные, но для мужчины и не короткие, лицо все такое же бледное; должно быть, это его обычный цвет; взгляд по-прежнему отчужденный и несколько напряженный.

– Обустроились? – произносит он наконец, снова оборачиваясь ко мне.

Я сразу же отвожу глаза.

– Да, благодарю вас.

– Хорошо.

Он снова молчит. Должна ли я предложить ему сесть? С другой стороны, что он, стесняется, что ли? Виконт ведь, в отличие от меня, находится в собственном замке. Эдак я могу ему предложить чувствовать себя как дома! Так что я просто продолжаю стоять, а он даже не думает садиться.

– Здесь есть все, что вам требуется? – снова спрашивает он.

– Да.

– У вас есть какие-нибудь претензии? Что-то не устраивает? – продолжает он и в ответ на мой удивленный взгляд уточняет: – Работа горничной, стряпня поварихи, что-нибудь еще?

Я энергично мотаю головой.

– Нет-нет, меня все устраивает.

– Хорошо.

Он произносит это таким тоном, что мне становится вполне очевидно: попробовала бы я только предъявить претензию и быстренько бы об этом пожалела.

В этот момент мне становится страшно. Мы стоим совсем близко друг к другу, на расстоянии всего в несколько шагов, в закрытой комнате, и я вдруг остро осознаю, что нахожусь целиком и полностью во власти этого человека, который до сих пор ни разу мне даже не улыбнулся. В сущности, он ведь может сейчас сделать со мной абсолютно все что угодно. И никто потом с него не спросит. А если я стану жаловаться, так меня же еще за это и накажут. И если он меня сейчас не обидит, так только потому, что у него не возникает такого желания.

Я испытываю чувство облегчения, когда виконт поворачивается к двери и собирается уходить, но напоследок он задает еще один вопрос:

– Есть что-нибудь, что вам нужно?

Я не хочу оттягивать его уход и боюсь о чем-либо просить, но понимаю, что это надо сделать. Кто знает, когда еще хозяин замка «осчастливит» меня своим присутствием?

– Сказать по правде, да, – признаюсь я. – У меня... мне не хватает некоторых личных вещей. Кое-что из того, что я использовала в пансионе, не подходит для... обычной жизни. Могу ли я где-нибудь купить недостающие вещи?

– Понимаю. Разумеется. Каждую среду на главной городской площади проходит ярмарка. Там вы сможете купить все, что нужно. И вам вовсе не обязательно обращаться с такими вопросами ко мне. Ивонна все отлично уладит. Что-нибудь еще?

Я поднимаю на него напряженный взгляд. Неужели сам не понимает? Это же униЗИтельно в конце концов! Но приходится перебороть себя и сказать:

– У меня нет денег.

К лицу снова приливает краска. Черт побери, а почему я, собственно говоря, так смущаюсь? Я ведь не бесприданница! Да любого камушка из тех, что щедро переправил виконту мой отец, хватило бы на шикарный новый гардероб. Я ведь не виновата, что папа даже не подумал о том, чтобы оставить мне самой на расходы хоть самую малость.

– Можете об этом не беспокоиться. Составьте список того, что вам нужно купить, и передайте мне его через Ивонну. Я выдам ей необходимую сумму. Это все?

– Да.

– Отлично. В таком случае спокойной ночи.

Долее не задерживаясь, виконт вышел и закрыл за собой дверь. Я осталась стоять на месте, сцепив руки. «Составьте список»! И что мне прикажете в этот список вносить? Нижнее белье? Ночные рубашки? Глаза начали увлажняться, то ли от обиды, то ли от отчаяния, но я сжала зубы и остановила слезы.

А потом все-таки села и принялась составлять список. Как следует подумав, решила обнаглеть и включить в него целых два платья. На первых порах в придачу к старой одежде мне хватило бы и одного, но я рассчитывала, что выделенные на второе платье деньги можно будет использовать на покупку интимных вещей, перечислять которые виконту я не находила возможным.

Солнечные лучи тревожили холодность стен, проникая в коридор через узкие распахнутые окна и нарушая тем самым мрачную атмосферу замка. Я уже почти привычно прогуливалась по этажу. Такие вылазки стали чуть ли не единственным моим развлечением. Проходя мимо лестницы, я услышала доносившиеся снизу голоса и, против обыкновения, решила спуститься.

Определить, где именно находятся говорящие, не составило труда: дверь в небольшую, уже знакомую мне комнату с круглым дубовым столом была распахнута настежь. То, что я слышала, было не похоже на болтовню слуг. К тому же один раз из комнаты вполне отчетливо прозвучал голос виконта, и повелительных ноток в этом голосе не было. Стало быть, если он и не говорил с равными, то, во всяком случае, не отдавал приказы. Возможно, в замке гости?

Мне стало любопытно. Да и чего еще можно было ожидать от семнадцатилетней девочки, и без того любознательной, а в последние дни еще и оказавшейся в полном одиночестве? Я подошла поближе.

– Так вот, заднее колесо телеги застряло между камнями мостовой, – говорил незнакомый мне мужчина, сидевший к двери спиной. – Сколько возница ни старался, сдвинуться с места не мог.

– До чего же плохо там должны были мостить улицы, – заметил виконт, прежде чем протянуть руку к стоявшему на столе кубку.

Слуга услужливо подлил ему вина из кувшина, который держал в руке.

– Да, это правда, – рассмеялся мужчина. – Тамошний градоначальник старался как можно больше денег положить себе в карман, и это сказывалось на состоянии городка.

– А что же, барона это устраивало? Или ему тот городок был безразличен?

Это кастелян, он управляет всеми делами в замке в отсутствие виконта. Если я правильно помню, он дворянин, только безземельный; для таких подобная должность – один из лучших возможных выходов.

Я решила подойти немного ближе. Может быть, на меня наконец-то обратят внимание? Глядишь, даже пригласят присоединиться?

Внимание обратили. На мою голову.

– Леди Фостер? – Виконт смотрел, как всегда, хмуро. – Вам что-нибудь нужно?

Я снова почувствовала, что теряюсь, как и всегда в его присутствии.

– Нет.

Я качнула головой, одновременно вжимая ее в плечи.

– Вас что-то заинтересовало в нашем разговоре?

Если судить по его тону, это было бы страшным грехом с моей стороны.

– Нет-нет, я просто проходила мимо.

– В таком случае не смею вас задерживать.

Я быстрым шагом устремилась прочь, прилагая невероятные усилия, чтобы не побежать, прижимая руки к пылающим щекам. Остановилась возле очередного окна, распахнула его и, опираясь руками о подоконник, высунулась наружу, подставляя лицо порывам ветра. Полностью поглощенная собственным унижением и попытками сдержать слезы, я даже не услышала, как кто-то подошел ко мне совсем близко.

– Госпожа Фостер?

Я обернулась, торопливо утирая глаза. Тот самый мужчина, что сидел за столом вместе с виконтом и кастеляном. На вид ему года двадцать три – двадцать четыре, русые волосы и светло-серые глаза, приятное лицо, выражение которого, как это ни странно, кажется доброжелательным. Впрочем, мне трудно в это поверить, поскольку от доброжелательности я успела окончательно отвыкнуть. Вернее всего, это просто игра света и тени.

– Отчего вы не присоединились к нашему обществу?

Издавается? Я хмуро взглянула ему в глаза. Вроде бы нет. Как это ни смешно, создается впечатление, что он задал вопрос вполне искренне.

– Не хотела вмешиваться в мужской разговор, – мрачно ответила я. – И вообще, почему вы думаете, что это было бы мне интересно?

– Вам, наверное, не было бы, – с сожалением признал мужчина, – зато мы бы точно выиграли. Вы знаете, насколько скучными бывают мужские разговоры в отсутствие женщин?

Я против воли улыбнулась сквозь снова подступившие слезы.

– Интересно, откуда, по-вашему, я могла бы это знать? Если эти разговоры ведутся в отсутствие женщин и, следовательно, не при мне?

– Действительно, – виновато рассмеялся он. – Я как-то об этом не подумал.

Хитрец. Все ты подумал. И нарочно так сказал, чтобы меня развеселить.

– Я совершенно забыл представиться, – воскликнул он, хлопнув себя по лбу. – Простите мою невежливость. Эдмонд Лиер, здешний лекарь.

– Очень приятно. Вероника Фостер.

– Рад знакомству. Вы ведь невеста господина виконта?

По моему лицу снова пробежала тень. Невеста, ага. Хотя уже не терпится стать вдовой.

– Да, – коротко кивнула я.

– Очень рад.

Чему? Знакомству? Или тому, что я – невеста?

– Давно вы приехали? – продолжил расспросы лекарь.

– Позавчера.

– Вот как! А откуда? Если, конечно, не секрет.

Я снова улыбнулась. Какие тут секреты?

– Сейчас – из женского пансиона «Слеза Рейи». А вообще я родом из Мэйриджа.

– Не может быть! – обрадовался он. – Я жил когда-то совсем недалеко оттуда, милях в десяти. А откуда именно из Мэйриджа?

– Поместье Вестхолл. Мы жили там с моей матерью.

– Никогда там не бывал, но название на слуху. А пансион? Вы долго там учились?

– Четыре года.

Эдмонд взглянул на меня как-то странно. Удивленно? Недоверчиво?

– И как вам там понравилось? – осторожно спросил он.

Следовало, конечно, соблюдать приличия и, мило улыбнувшись, ответить: «Спасибо, хорошо». Но моя нервная система за последние несколько дней успела основательно расшататься. И потому, презрев правила этикета, я выпалила:

– Совершенно не понравилось.

Пускай теперь считает меня неблагодарной безбожницей, без должного уважения относящийся к тем, кто денно и ночно заботился о ее физическом и, что куда более важно, духовном благе. Мне все равно.

Но совершенно неожиданно для меня Эдмонд сказал:

– Ничего удивительного! Моя троюродная сестра провела в подобном заведении всего-то полгода, так она до сих пор вспоминает об этом времени как о кошмарном сне.

– А что случилось спустя полгода? – поинтересовалась я.

Он рассмеялся.

– Она не выдержала и сбежала оттуда. Пришлось ее родителям с этим смириться. Хотя они так и не смогли получить обратно ни гроша из тех денег, которые заплатили за ее обучение, а ведь платили за целый год! Но дело-то в том, что тот пансион по сравнению с вашим – просто увеселительное заведение. Я слышал про «Слезу Рейи», это самый строгий пансион в королевстве.

– Не знаю, возможно, – пожала плечами я. Если и так, значит, это еще один повод быть благодарной моему отцу, упокойте, боги, его душу. – В любом случае у вашей троюродной сестры имелось несомненное преимущество: ей было куда бежать. А у меня и у многих других такой возможности просто-напросто не было.

Эдмонд сочувственно покачал головой.

– Но в таком случае вы, должно быть, очень счастливы, что наконец-то вырвались оттуда.

– Да, очень счастлива, – кивнула я с мрачным видом, но на сей раз вдаваться в подробности своих подлинных чувств не стала.

Словно поняв, что я чего-то не договариваю, он прищурился и, кажется, попытался прочесть по моему лицу то, что не было доверено устам.

– Что ж, боюсь, мне пора идти, – сказал он с сожалением, которое казалось искренним. – Очень рад знакомству. Надеюсь, мы с вами скоро встретимся. Я не живу в замке, но бываю здесь очень часто.

– А что, разве виконт болен? – оживилась я.

Уж очень хотелось узнать о его тяжелом недуге и ожидающейся в скором времени кончине. Но увы.

– Если виконт и болен, то мне об этом ничего не известно, – улыбнулся Эдмонд. У него была очень обаятельная улыбка. – Он ни разу не прибегал к моим профессиональным услугам. А вот слуги болеют постоянно. Дворецкий, коннетабль, оружейник, горничные.

Но уж точно не экономка, мрачно подумала я. И действительно, ее лекарь не упомянул.

– Но вы не беспокойтесь, – поспешил исправить он. – Не думайте, будто замок полон тяжело больных, от которых недолго чем-нибудь заразиться. Ничем таким уж серьезным все эти люди не страдают. Просто, – он хитро прищурился, – людям нравится внимание врачей.

Он подмигнул мне, и я усмехнулась. О страхе речи и не шло. Заразиться я не боялась, поскольку такое никогда со мной не происходит. Я даже не знаю, что такое простуда, не говоря уж о более серьезных недугах.

А между тем Эдмонд протянул мне алый цветок на коротком стебле. Сперва я удивилась, но потом рассмеялась, сообразив, что он попросту успел вытащить этот цветок из стоявшей неподалеку вазы.

– Удачи на тяжелом поприще! – пожелала ему я.

– Спасибо! – ответил он, обернувшись ко мне уже на ходу. – Она непременно мне понадобится!

В тот день мое настроение существенно улучшилось.

Ярмарка ошеломила меня многообразием людей, товаров, красок и запахов. Только теперь я поняла, насколько, оказывается, не просто отстала от жизни, а вообще забыла, что это такое – жизнь. Настоящая, бурлящая, бьющая через край. Так что первое время я даже не думала о покупках, а просто бродила между рядами, жадно пожирая глазами прохожих, присматриваясь к нарядам и прическам женщин, разглядывая ткани, обувь, ковры, фляги, кожаные сумки, вырезанные из дерева детские игрушки, да буквально все, мимо чего проходила.

Потом, спустя где-то час, вдоволь наглядевшись и немного разобравшись с ценами, я принялась за покупки. Мои опасения в денежном отношении оказались напрасными. Во-первых, сопровождавшая меня Ивонна хоть и носила кошель при себе, но выдавала мне его по первому требованию, денег не считала и вообще, похоже, выполняла в этом отношении только одну функцию: охраняла монеты от воров, которых в подобных местах всегда бывает немало. Во-вторых, как вскоре выяснилось, денег виконт выдал вдвое больше, нежели требовалось на перечисленные мной вещи. Поэтому я со спокойной совестью купила и два платья (помимо тканей на ярмарке можно было приобрести и готовую одежду), и белье, и прочие интересовавшие меня мелочи вроде булавок, ниток, шпилек и прочая, а в кошельке все еще было чему позвякивать.

Два товара, увиденные в тот день на ярмарке, основательно смутили мой покой. Первым было платье. Шелковое платье в пол, изумрудного цвета, приталенное, с расширяющимися книзу рукавами и длинным шлейфом. Я долго не могла оторвать от него взгляда, рассматривала, теребила, но всерьез и подумать не могла о том, чтобы его купить, – пока эту идею не озвучила заметившая мои метания портниха.

– Покупайте, леди, о чем тут можно думать?! – воскликнула она, прикладывая платье к моей фигуре. – Вы только взгляните, как вам идет этот цвет! При ваших восхитительных глазах грешно носить такие блеклые тона! – Это она тонко намекнула на платье из пансиона, что было надето на мне в этот день.

– Мне кажется, такое платье все-таки не для меня, – робко сказала я, попытавшись впихнуть ей назад ярко-зеленое искушение.

Не тут-то было.

– Взгляните на себя. – Кивок в сторону прислоненного к прилавку зеркала. – Вы молодая, хорошенькая, у вас прекрасная фигура и такой редкий цвет глаз. Вы просто обязаны блистать! Кому носить такое платье, если не вам?!

Я прикусила губу, с сомнением рассматривая наряд.

– У него слишком яркий цвет, я не привыкла ни к чему подобному... Вы не находите, что это излишне вызывающе?

– Вызывающе?! – всплеснула руками портниха. – Вы видите в этом платье хоть что-нибудь вызывающее? – тут же обратилась она к проходившей мимо женщине. Та улыбнулась и на ходу покачала головой. – Вот видите! – вновь обратилась она ко мне.

Я окинула взглядом текущую меж прилавков толпу. На многих женщинах, в том числе и аристократках, были платья ярких цветов. Видимо, такая сейчас мода, и, стало быть, смущаться тут нечего? Не красное же оно, в конце концов! Но я по-прежнему сомневалась насчет фасона.

– Оно слишком длинное и, кажется, будет излишне облегать фигуру, – высказала я вслух свои сомнения. – Да и декольте – это ведь нескромно...

Портниха глядела на меня, изумленно хлопая глазами.

– Что же тут нескромного? – изумилась она. – Оно же неглубокое совсем! Так все сейчас носят. А вы вот примерьте!

Я бросила косой взгляд на Ивонну. Та и не думала вмешиваться. Решившись, я все-таки отправилась в примерочную. Это оказался первый шаг к покупке. Ибо, единожды померив платье, не купить его я уже не смогла. Хотя меня по-прежнему смущал и цвет, и длина, и декольте. Но дороги назад все равно не было. Оставив задаток, я отправилась еще немного прогуляться по ярмарке, в то время как портниха подгоняла платье по моей фигуре.

Сколько бы я ни сомневалась, следует ли покупать зеленое платье, второй заинтересовавший меня предмет был куда менее подобающей покупкой для взрослой девушки. Это был игровой набор, состоявший из пяти дротиков и мишени. Последняя, в сущности, представляла собой круглое днище бочки, на котором были изображены два кольца, деление на сектора и цифры. Когда-то давно, когда мне было двенадцать лет, к нам в поместье на несколько недель приезжал мой родственник, не то троюродный брат, не то четвероюродный. Он был на три года старше меня. Почти все это время мы провели вместе. Тогда-то он и обучил меня метать дротики. У меня меткий глаз, но пользоваться луком я не могла: слишком много требовалось сил, чтобы как следует натянуть тетиву, а тем более держать ее, не ослабляя, продолжительное время, прицеливаясь и выбирая нужный момент для выстрела. А вот бросать короткие стрелы я научилась быстро и к концу его пребывания в поместье попадала в самодельные мишени в четырех случаях из пяти. Ясное дело, во время обучения в пансионе о подобных развлечениях пришлось забыть. А вот сейчас мне вдруг ужасно захотелось попробовать свои силы и проверить, помню я хоть что-нибудь или нет. Но я совершенно не понимала, как мне изловчиться, чтобы сделать столь неподобающее приобретение и потому, покрутившись возле прилавка, все-таки ушла оттуда ни с чем.

Однако несмотря на то, что в чем-то в тот день мне пришлось себе отказать, в целом на ярмарке я впервые за долгое время почувствовала себя почти свободной. Почти – потому что за все это время я ни на одну секунду не осталась одна. И дело было не только в Ивонне, но и в стражнике, который неизменно следовал за нами, держась на расстоянии нескольких шагов. Можно было бы предположить, что такое сопровождение являлось стандартным для молодых женщин знатного сословия. Но я была почти уверена, что дело совсем в другом. И присутствие стражника призвано ненавязчиво напоминать мне о том, что сама себе я больше не принадлежу.

Гадалка подскочила ко мне, когда, получив платье, я уже направлялась к краю ярмарочной площади, где нас ожидала карета. Женщина в красно-синем платье и красном платке вдруг выскочила из ниоткуда (стражник даже успел схватиться за оружие) и схватила меня за руку.

– Давай я тебе погадаю, красавица! – энергично воскликнула она. – Всю правду расскажу о том, что было и что будет. Не пожалеешь!

Под этим напором я почувствовала себя неуютно, но в правильном ответе все равно не сомневалась.

– Не надо, спасибо, – сказала я, высвобождая руку. – Я и так знаю и что было, и что будет.

Последнее – к сожалению, – мысленно добавила я.

– Э, не скажи, красавица, – с улыбкой возразила женщина. – Жизнь – она ведь штука непростая, всякие сюрпризы преподносит. А я все как есть вижу. Ну неужели тебе самой не интересно?

Я вздохнула. Интересно, конечно. Только я гадалкам не верю. Они ведь просто морочат людям голову. Рассказывают то, что нам хочется услышать.

– У меня нет лишних денег, – попыталась открутиться я.

– А и не беда! – заверила меня женщина. – Такой красавице я и так, без денег погадаю. Ну только разве одну медную монетку мне заплати.

Принужденно рассмеявшись, я обернулась к Ивонне. Ключница по-прежнему молчала, а по выражению ее лица я все еще не могла ничего прочесть. Ну ладно, монетку так монетку. Я протянула руку, и кошель тут же перекочевал ко мне. С трудом отыскав медную монету (оставленные виконтом деньги в основном состояли из серебряных), я вручила ее гадалке. Та усадила меня на ближайшую скамейку и сама села рядом.

– А ты подожди, добрая женщина, – сказала она подошедшей Ивонне. – Постой немного в сторонке. Не след чужую судьбу подслушивать.

Я ожидала, что Ивонна станет возражать, но нет, она и правда остановилась в нескольких шагах от скамейки, рядом со стражником. Гадалка взяла мою правую руку, вгляделась в ладонь, затем сравнила ее с левой. Я сидела, слегка поджав губы, всем своим видом демонстрируя скептицизм. Гадалка с интересом посмотрела мне в глаза.

– У тебя непростая судьба, красавица – сказала она, не отводя взгляда. – Ты – сирота. И совсем недавно приехала из казенного дома.

Я согласен кивнула. Можно сказать и так. Как она угадала? Может, просто знает, кто я такая?

Гадалка вновь перевела взгляд на мою правую руку. Левую она уже отпустила. Вскоре она улыбнулась.

– Счастье тебя ждет, красавица. И очень скоро. Я смотрю, суженого своего ты уже встретила.

– Встретила, – мрачно кивнула я.

Ага. Так я и думала. Про мою помолвку она, должно быть, просто-напросто откуда-то знает. А больше не знает ничего. Счастье, как же. Ну да. Огромное. Дальше некуда.

– Познакомилась ты с ним совсем недавно, – продолжала вещать гадалка.

Ее прозорливость по-прежнему оставляла меня равнодушной. Я бы даже сказала, разочарованной. Я, конечно, в гадания не верю, но почему-то хотелось понадеяться на чудо.

– Он хорош собой.

На сей раз я покосилась на гадалку несколько удивленно. Хорош собой? Виконт-то? Впрочем, не знаю, может, и да, я с этой стороны вообще на него не смотрела.

– Вижу его как живого, – продолжала гадалка. – Статный. Сероглазый. Волосы светлые.

Что?!

– А вот и нет, – победоносно возразила я. – Вы перепутали. Волосы у него вовсе не светлые, наоборот, черные как смоль.

– Я ничего не путаю, красавица, – с улыбкой покачала головой женщина. – Это в жизни люди могут перепутать, а на ладони все точно написано. – Она снова устремила взгляд на мою руку. – Вижу темноволосого, есть такой в твоей жизни. Но большой роли он в ней не сыграет. Так, эпизод, был да забылся. А у суженого волос светлый. Точно тебе говорю, – добавила она, выпуская мою руку. – Верь мне. Ладонь не лжет. Месяца не пройдет, как его женой станешь.

Я смотрела на нее в изумлении. Просто так всякие глупости рассказывает? Вот только был ведь один светловолосый и сероглазый. Совсем недавно.

– Ну как, порадовала я тебя, красавица? – хитро прищурившись, спросила гадалка. – Может, еще одной монеткой поделишься?

Я, не глядя, выудила монету из кошель и протянула ей. Потом встала и пошла обратно к карете, хмуря брови и все пытаюсь понять: правда или нет? Она действительно увидела это по ладони? Или просто сказала наугад и случайно попала в точку?

Глава 3

В четверг, как и было принято, я собралась идти в храм Триады на церемонию богослужения. Одеваться в таких случаях полагалось как можно более скромно, и потому, сколь ни осточертели мне пансионские наряды, я все-таки облачилась именно в один из них. Тот самый, в котором с неделю назад приехала в замок: синяя юбка в белую полоску и целомудренная белая блузка. И волосы собрала в привычный хвост.

Дорога до храма, как мне объяснили, занимала четверть часа, а священнодействие начиналось в десять утра. Поэтому в половине десятого я уже была готова и, когда в дверь постучали, незамедлительно ее отворила. На пороге стояла ключница.

– Доброе утро, госпожа.

Она склонила голову. Как и обычно в таких случаях, мне показалось, что еще чуть-чуть, и старуха согнется пополам.

– Доброе утро, Ивонна.

– Если вы готовы, мы можем отправляться на богослужение.

– А господин виконт? – удивилась я.

– Он никогда не ходит в храм.

– То есть как???

Я была настолько шокирована, что не удержалась от этого вопроса. Но быстро взяла себя в руки, сказала: «Хорошо, в таком случае идемте», – и покинула комнату, предоставляя ключнице идти следом.

По дороге я все пыталась осмыслить то, что только что узнала. Никогда не ходит в храм? Даже на богослужение по четвергам? Да, понимаю, мой пансион был излишне религиозным; многое из того, чему нас пытались там обучить, мне и самой казалось бредом. Но ведь одно дело греховность зеленых глаз или недопустимость мужского внимания и совсем другое – посещение храма и вознесение молитвы! До пансиона я никогда не жила в ультрарелигиозной среде, нравы в наших краях были, я бы сказала, сравнительно вольные, но никому бы и в голову не пришло пропустить богослужение без уважительной причины. А тут – не ходит никогда!

Нет, определенно что-то с ним не так. И как только ему хватает смелости? Ведь это – всеобщее осуждение! А может быть, он колдун или, того хуже, демон? Николь, опомнись, что ты несешь? Ты же не веришь в колдунов, да и в демонов не слишком-то. Ну, в демонов, может быть, и веришь, но не здесь же, не в этом мире, а только в загробном! Но как иначе объяснить неготовность виконта даже изредка посещать дом богов? Ведь даже неверующие заглядывают туда просто из опасения стать отлученными или изгоями.

Сколь ни греховно это звучит, но уже в храме, проходя мимо статуй богов Рейи, Делва и Калма, я продолжала думать на эту тему. Более того, размышления о поведении виконта не оставляли меня даже во время самого богослужения.

На протяжении церемонии прихожане, как положено, стояли на коленях. Богослужение было в этот раз довольно длинным, и краем глаза я видела, как дети ерзают, пытаясь устроиться поудобнее и дать коленям хоть какой-то отдых. Сказать по правде, многие из взрослых тоже производили подобные телодвижения, только менее откровенно и более осторожно, украдкой косясь на окружающих. Никому не хотелось признаться в том, что собственное физическое удобство в данный момент волнует их больше, нежели духовное очищение, приносимое богослужением. Я, со своей стороны, не ерзала вовсе и выдержала церемонию с честью. Мы, пансионерки, привыкли подолгу стоять на коленях на жестком полу. А здесь я и вовсе занимала почетное место, предназначенное для прихожан высшего сословия. Пол в этой части храма был специально обит мягкой тканью темно-синего цвета. Нет, вообще-то

подразумевалось, что перед богами все прихожане равны, и в теоретическом диспуте любой жрец стоял бы за это правило горой, но вот на практике ситуация отчего-то оказывалась несколько иной. Как, впрочем, и во многих других вопросах.

Темой сегодняшней проповеди стал пояс верности. Я чувствовала себя как нельзя более подкованной в этом вопросе, поскольку успела от нечего делать проштудировать инструкцию по их применению. Жрец долго и вдохновенно распространялся о важности сего предмета и многочисленных преимуществах его использования. Мое отношение к данному вопросу было скорее скептическим. Я считала, что пояса, о которых идет речь, способствуют в первую очередь не целомудрию, а заражению крови. Кстати сказать, у нас в пансионе, при всей его религиозности, к подобным вещам тоже относились весьма прохладно. Открыто, конечно, не критиковали. Все больше высказывались в таком духе, что пояс верности есть вынужденная мера в борьбе с людской разнузданностью. Если бы не наши грехи, то не было бы и поясов. Ну, равно как и розог, пыточных, виселиц и многого другого. Одна ученица поинтересовалась, мол, если все дело в борьбе с грехом прелюбодеяния, отчего не существует поясов верности для мужчин. Но вообще-то мы очень быстро учились не задавать подобных вопросов. Садовые работы и дополнительные сочинения – это самое лучшее, что могло воспоследовать.

По окончании богослужения в храме выстроилась очередь для жертвоприношения. Люди по очереди подходили к высоким, в человеческий рост, скульптурам богов и оставляли каждому положенное подношение. Каждый из трех богов – двух братьев и сестры – олицетворял определенное явление природы, стихию и склонность характера. Рейя – земля, плодородие и деторождение, трезвость ума. Калм – вода, дожди и сдержанная эмоциональность. Делв – воздух, ветра и эмоциональность необузданная, взрывная. Жертвоприношения тоже полагались разные. Рейе – зерно, Калму – вино или питьевая вода, Делву – монеты, в идеале серебро. В чем причина последнего установления – неизвестно, видимо, так просто сложилось исторически. Логика, как с двумя другими богами, не прослеживалась. Что можно подарить ветру? Зато для тех, кто в реальности получал пожертвования, предназначавшиеся для всех троих божеств, серебро никогда не бывало лишним. А я за время жизни в пансионе успела подглядеть всякое и отлично знала, с каким похвальным усердием жрецы едят, пьют и тратят то, что люди из последних сил копят для богов. Впрочем, возможно, это и справедливо. Должны же на что-то жить те, кто посвящает все свое существование служению Триаде?

Дождавшись своей очереди, я принесла жертвы богам, стараясь, чтобы столь греховные мысли никак не читались по моему лицу. Полагаю, я выглядела весьма благочестивой девушкой, кроткой и вообще правильной во всех отношениях. Я давно научилась так выглядеть.

Отступив от статуй, я почти нос к носу столкнулась со жрецом и склонила перед ним голову.

– Благословите, учитель.

Он приложил руку к моему темени, затем ко лбу и наконец к полбородку. Благословение именем Триады.

– Как твое имя, ученица?

Опускаю глазки долу.

– Вероника Фостер из Мэйриджа.

– Стало быть, ты – невеста Дамиана Телбриджа?

– Истинно так, учитель.

– Говорят, ты училась в «Слезе Рейи»? – продолжил допрос жрец.

– Да, учитель.

Я по-прежнему сама скромность и кротость.

– Это чрезвычайно богоугодное учреждение, – важно покивал жрец. – Я вижу, ты – добропорядочная и богобоязненная девушка. Возможно, тебе удастся повлиять на этого безбожника Телбриджа.

Даже так? Столь откровенная критика в адрес первого человека в виконтстве? Пусть даже он и правда безбожник. Но вслух я, конечно, своего удивления не выражаю, просто продолжаю стоять, опустив очи.

– Когда вернешься в замок, передай ему, что после смерти он окажется в вечном плену у демонов и будет гореть в огне, если не станет посещать храм, – продолжал священнослужитель. – Его пренебрежительное отношение к вере и богослужениям превысило границы дозволенного. И если он все-таки образумится и вознамерится направить свои стопы в дом Триады, вернуть благоволение богов будет совсем непросто. Ему придется пройти целую череду духовных кар и искупительных жертвоприношений.

– Благодарю вас, учитель, я непременно все ему передам, – благообразно солгала я. – Уверена, что ваши последние слова поспособствуют его скорейшему возвращению под сень храма.

Слева от меня хихикнул в кулак какой-то молодой парнишка; видимо, он соображал быстрее жреца. Последний издевки в моих словах не уловил, впрочем, на это я и рассчитывала. Такие люди, как он, всегда принимают похвалу в свой адрес за чистую монету, сколь бы нелепой она ни была.

Ага, прямо сейчас пойду и передам твою речь виконту, думала я про себя. Он и так меня не жалует, а после этого и вовсе запрет в каком-нибудь чулане. Тебе больше всех надо, сам иди в замок и все это ему говори.

Кивнув напоследок жрецу, я вышла из храма. Ивонна семенила следом. День стоял прохладный, ветер гонял по небу клочья облаков, которые то прятали за собой солнце, то снова открывали дорогу его лучам, отчего по земле время от времени пробегали тревожные тени.

– Леди Вероника! – окликнули меня откуда-то сзади.

Я остановилась и обернулась, вглядываясь в толпу людей, которые, покинув храм, двинулись теперь по единственной ведущей от него дороге. Лекарь приветственно махал рукой, и это позволило мне выловить его лицо из общего потока прихожан. Я подождала, пока он обогнал чинно шествовавшую семейную пару и, запыхавшись, присоединился к нам с Ивонной.

– Доброе утро! – весело сказал он, здороваясь одновременно и со мной, и с ключницей.

– Здравствуйте, господин Лиер! – приветливо сказала я.

– Прошу вас, зовите меня Эдмонд, – воспротивился он. – Когда мне говорят «господин», я начинаю чувствовать себя невероятно старым и почтенным. Это вгоняет меня в уныние.

– Пусть это будет единственная причина для уныния в вашей жизни, – усмехнувшись, пожелала я.

– Как вам понравился наш храм? – улыбаясь, осведомился лекарь, подстраиваясь под мой шаг.

Ивонна чуть приотстала и теперь шла позади нас. А следом за ней шагал вездесущий стражник.

– Весьма понравился, – рассеянно кивнула я.

– А проповедь? – прищурился он.

– Чрезвычайно познавательно.

Мой взгляд стал еще более рассеянным.

– Бросьте, вас же и саму страшно раздражает эта ересь!

Я изобразила на лице удивление.

– С чего вы взяли?

– Догадался по вашей мимике.

– Не может такого быть! – запротестовала я.

– Ну ладно, не может, – признал лекарь. – Но все равно же я прав.

– Ладно, правы, – со вздохом согласилась я.

– Вот видите! – победоносно воскликнул Эдмонд. – Согласитесь: подобная проповедь возмутительна. Знаю, как добропорядочный прихожанин я обязан отнестись к словам учителя с уважением, но просто-напросто не могу этого сделать как лекарь.

– Разделяю вашу точку зрения. Только никому не говорите. Иначе жрец и меня объявит безбожницей.

– О, стало быть, он уже прочел вам лекцию касательно греховности виконта? – рассмеялся Эдмонд.

– Да. – На этот раз удивление в моем взгляде было искренним. – А что, он читал ее кому-то еще?

– Ну как же, всему приходу! – охотно сообщил лекарь.

– То есть как?

Это становилось все более интересно.

– А вот так вот. Во время одной своей проповеди он высказался о недопустимости поведения виконта, который пренебрегает обязанностями прихожанина и не ходит в храм. Также упомянул о том, что со стороны лорда Телбриджа это вдвойне грешно, так как в силу занимаемого им положения он обязан подавать другим пример.

– И что же было потом? – любопытствовала я.

– Жрец забыл, что деньги на нужды храма выделяются не кем иным, как виконтом, – со смехом объяснил Эдмонд. – Тот взял, да и урезал эту сумму примерно на две трети.

– А как к этому отнесся Верховный Совет Жрецов? – нахмурилась я. – Они ведь должны были возмутиться. А идти против всего Совета навряд ли под силу даже виконту.

– В том-то весь и фокус. – Лекарь говорил с таким довольным видом, словно фокус придумал он сам. Должно быть, жрец успел основательно надоесть всем в округе. – Виконт изъясил существенную часть денег, поступавших на нужды дома Триады, но тут же перевел их на другой храм. Таким образом, его финансовый вклад в религиозные учреждения остался неизменным, а это все, что волнует Совет. Вера не пострадала, пострадал только один конкретный священнослужитель. Впрочем, никакого урока он так из этой истории и не вынес и по-прежнему пользуется любым подвораживающимся случаем, чтобы высказаться о греховной сущности виконта.

– А... – Я прикусила губу, раздумывая, могу ли позволить себе задать этот вопрос. Ивонна шла достаточно далеко и, если я говорила тихо, услышать слов не могла. А лекарь производил впечатление человека достаточно понимающего. – Вы не знаете, почему виконт никогда не ходит на богослужение?

– Думаю, этого никто толком не знает, – развел руками Эдмонд. – Ходят, конечно, всякие слухи, но... Не знаю, стоит ли мне их повторять.

– А если я вас очень попрошу?

Что я делаю? Кокетничаю? Я даже не знала, что умею это делать...

– Тогда я не смогу вам отказать, – улыбнулся лекарь. – Поговаривают, будто виконт – колдун. Я предупреждал, что это прозвучит как полный бред, – извиняющимся тоном поспешил добавить он. – Но это то, что говорят, и довольно часто.

– У виконта репутация колдуна? – задумчиво произнесла я.

Чушь, конечно. Но с другой стороны, что он делает в башне по ночам? Да и неизвестно, какого рода книги он читает вечерами в библиотеке. Особенно учитывая, что в эти часы его строго-настрого запрещается тревожить... По спине пробежал холодок. Стой, Николь, стой.

Не торопись бояться. Все это слишком маловероятно, чтобы быть правдой. Но достаточно было одного воспоминания о мрачном взгляде виконта и его холодном голосе, чтобы поколебать мою уверенность.

– Репутация у него вообще довольно-таки... проблемная, – осторожно сказал Эдмонд, понизив голос. – Не знаю, известно ли вам, но... несколько лет назад он обвинялся в государственной измене.

– В самом деле?!

Мои брови поползли вверх.

– Да, именно так, – кивнул лекарь. – И это не просто слухи, тут сведения вполне достоверные.

– Но ведь за это казнят, – почти прошептала я. – По меньшей мере, сажают в тюрьму или ссылают в Мидбар.

– Его и посадили в тюрьму. – Эдмонд тоже говорил теперь очень тихо. – Но вскоре выпустили. Поговаривают, что не обошлось без очень крупной взятки. Так или иначе, после того случая военной карьере виконта пришел конец, и он обосновался здесь, в замке.

Я перевела дух. Час от часу не легче.

– Простите, я, кажется, вас расстроил, – посетовал лекарь, от которого не укрылось мое смущение. – Давайте поговорим о чем-нибудь другом. Вы уже видели все здешние достопримечательности?

– Наверное, нет. – Знать бы, какие достопримечательности он имеет в виду. – А... что, например, по-вашему, мне стоило бы посмотреть?

– Скажите, где вы уже были, и я подскажу вам, куда еще стоит съездить, – с энтузиазмом предложил он.

– Ну... Я была на ярмарке.

Лекарь смотрел на меня выжидательно, и я испытала чувство неловкости, словно сама была виновата в том, что мне до сих пор ровным счетом ничего здесь не показали. Ладно достопримечательности, но я ведь и замок обследовала исключительно своими силами.

– Это все, – пробормотала я, опуская глаза.

– В самом деле? – изумился он. – Ну, я полагаю, у виконта пока еще просто не было времени. А коллекция редких животных в загородном доме барона Корна? Ее вы тоже еще не видели?

Я молча покачала головой.

– Вы обязательно должны посмотреть. Это не может вам не понравиться. Там есть павлины, две маленькие обезьянки, разноцветные рыбы в большом аквариуме и еще морская звезда. Ах да, и огромная игуана, почти в пол человеческого роста.

– Кто такая игуана? – с интересом спросила я.

Никогда не слышала про такого зверя, как, впрочем, и про морских звезд.

– Это... такая... – Эдмонд задумался. Похоже, мой вопрос поставил его в тупик. – Лучше один раз самой все увидеть. Я мог бы сам сопровождать вас. Ну, если виконт слишком для этого занят... – Он выглядел смущенным. – Вы не стали бы возражать?

Я-то? А с какой стати? От виконта, пожалуй, дождешься... Я неуверенно пожала плечами.

– Если виконт не будет против.

– Ну конечно. – Эдмонд кивнул, кажется, обрадованно. – Я поговорю с ним при случае.

Случай представился ему позднее. Пока же, вечером того дня, я встретила виконта в одном из коридоров замка. Он мрачно сверкнул на меня глазами и подошел чуть ли не вплотную, заставив попятиться к стене и оказаться таким образом в опасной близости от пламени факела. Светильник дыхнул в лицо горячим воздухом.

– Я слышал, сегодня вы обсуждали со жрецом мой моральный облик.

Он говорил холодно, вроде бы спокойно, но в глазах плескалась злость. Я хотела оправдаться, ответить, что я тут ни при чем, разговор был целиком и полностью инициирован тем самым жрецом, а я никак в той беседе и не участвовала. Но возможности вставить хоть слово у меня не было.

– Имейте в виду, – все так же холодно произнес виконт, – если вы продолжите обсуждать эту тему с кем бы то ни было, тем более – со мной, то больше в храм не попадете. А это значит, что после смерти вам придется отправиться прямиком к демонам, дабы занять там почетное место рядом со мной. Вы же все-таки моя будущая жена.

Он развернулся и ушел, так и не дав мне ничего сказать. А я осталась стоять у стены и сдерживать слезы от незаслуженно нанесенной обиды.

Дни тянулись медленно и тоскливо. На следующей неделе я снова попала на ярмарку и на этот раз, пользуясь тем, что Ивонна отвлеклась на разговоры с какой-то торговкой, решилась-таки купить вожаденные дроты (внимание стражника я рискнула проигнорировать). Быстро положив приобретение в корзину для покупок, я прикрыла дроты тканями и потихоньку пронесла их в свои покои, а там припрятала, по старой пансионской памяти, на кровати под матрасом. Поначалу я очень боялась, что покупку найдут. Мне даже казалось, что, стоит на минуту покинуть комнату, как дроты с мишенью сразу же извлекут из тайника, а с меня потребуют объяснений. Возвращаясь к себе, я тут же кидалась к кровати, но неизменно обнаруживала, что моя покупка лежит на своем месте. Постепенно я успокоилась и, когда оставалась одна, – а это случалось очень часто, – принялась использовать приобретение по назначению. Для того чтобы вешать мишень, приспособила торчавший из стены крюк. Комната была просторная, так что между мной и мишенью было вполне приличное расстояние. Поначалу я часто промахивалась, но навыки быстро восстановились. Особенную меткость я вырабатывала, когда представляла себе на месте мишени мрачное лицо виконта.

Эдмонд дважды приезжал в замок, пользовал кого-то из слуг. Оба раза нам удавалось немного поболтать о том о сем. Виконт дал разрешение на поездку. Как оказалось, часть загородного дома барона, где тот держал своих редких животных, была открыта для посетителей два раза в неделю. Барон чрезвычайно гордился своей коллекцией. Вопреки моим опасениям, предложение Эдмонда виконта ничуть не разозлило. По-моему, он был даже рад, что нашелся кто-то, кто сам вызвался меня сопровождать.

В то утро я наконец-то решила надеть свое новое зеленое платье, которое до сих пор так и висело в моем шкафу. Взглянув на себя в зеркало, испытала почти детский восторг и с нежностью погладила прохладную ткань. Да, немного смело, фигуру подчеркивает и вообще не по канонам, но зато как красиво!

Я вышла из комнаты, спустилась вниз и почти сразу же увидела виконта. Проходя мимо, он остановился и смерил меня долгим внимательным взглядом. Потом, ни слова не говоря, пошел прочь. Но я все поняла и без слов. Во взгляде было осуждение. Ходить в таком платье непристойно, говорил этот взгляд. Совершенно недопустимо для порядочной девушки, тем более будущей жены. Ваш выбор – верх безвкусицы и разнузданности, а впрочем, чего еще я мог от вас ожидать?

Наверх я вернулась в слезах, закрылась у себя в комнате, торопливо сняла платье и запрятала его на самое дно сундука, а потом долго его не надевала.

Эдмонд ждал меня внизу у кареты. Я спустилась в своем старом ученическом облачении. Настроение было подавленное. Лекарь заметил это, но расспрашивать меня не стал, зато всю дорогу пытался развлечь, рассказывая всякие забавные и незатейливые истории. До определенной степени это помогало, но я все равно то и дело вспоминала о сегодняшней встрече с виконтом, да и о предыдущих тоже, и тогда по лицу пробегала тень.

Впрочем, животные отвлекли мое внимание. Я с восторгом ходила по просторной оранжерее, где они обитали, и рассматривала экзотических птиц, рыбок и зверей. Павлинов мне прежде доводилось видеть всего один раз в жизни, и то очень давно, и теперь я была в полном восторге от их необыкновенных перьев. При всем великолепии красок больше всего меня поразила павлин-альбинос. Его хвост напоминал огромный роскошный белый веер. Игуана оказалась похожа на небольшого дракона, и я долго не была готова поверить, что она не нападает на людей и вообще питается только растительностью да насекомыми. Когда после долгого сидения без движения, она вдруг повернула голову в мою сторону, я с трудом сдержала порыв спрятаться лекарю за спину. Две очаровательные обезьянки, без усталости бегавшие и прыгавшие по странным выходящим веткам какого-то экзотического дерева, были очень потешными.

Словом, здесь мое настроение существенно улучшилось, но, стоило нам выйти из оранжереи в сад, как я снова упала духом. Предстояло возвращение в замок, который я и домом-то не могла назвать. Вот только, увы, другого дома у меня не было.

– Вероника, – Эдмонд держал меня под руку, пока мы неспешно шли по узкой дорожке к воротам, – у вас что-то стряслось?

Я молча покачала головой. А сама почувствовала себя совсем скверно.

Лекарь неожиданно проявил настойчивость:

– Я же вижу. Пойдемте.

Он потянул меня за собой к белой скамейке, стоявшей в тени раскидистого вяза. Я послушно шла следом. Мы сели. Эдмонд расположился на достаточном расстоянии от меня, так что в этом не было ничего непристойного.

– Скажите, что вас беспокоит, – мягко попросил лекарь. – Может быть, я смогу вам как-то помочь.

– Это не недуг, – покачала головой я. – Так что поверьте, Эдмонд, помочь вы мне никак не сможете. Мне вообще никто не сможет помочь.

– Так не бывает, Вероника, – покачал он головой.

– Не называйте меня Вероникой!

Я произнесла эти слова с раздражением, которое оказалось неожиданным для меня самой.

– Почему? – опешил Эдмонд.

– Я не люблю это имя, – пояснила я извиняющимся тоном.

– Хорошо. – Кажется, он не обиделся на эту неоправданную вспышку гнева. – Давайте я буду звать вас как-нибудь по-другому. Например, Рони? Я знал одну вашу тещу, которую все звали именно так.

Я пожала плечами, потом согласно улыбнулась. Рони так Рони. Новая жизнь – новое имя. В этом был свой резон.

– Итак, Рони, – произнес он, заглядывая мне в глаза, – что случилось?

Я отвела взгляд. Говорить об этом было неправильно, неразумно и недальновидно. Он мог все разболтать виконту. Я знаю, я научилась этому давно, еще в самом начале своего пребывания в пансионе. У меня быстро появились две подруги. И я как-то раз пошутила в их обществе про одну из жриц. Больше никто при этом не присутствовал. Жрица узнала обо всем тем же вечером. Последовало наказание. Боги с ним, не такое уж и страшное оно было. Но подруг я больше не заводила. Дружила со всеми – и ни с кем.

Так что разум говорил однозначно: молчать. Вот только беда заключалась в том, что молчать я уже устала. И вдруг почувствовала, что сил держать все в себе больше не осталось. Если потом Эдмонд перескажет наш разговор виконту, а тот посадит меня под замок или и вовсе свернет мне шею, значит, туда мне и дорога.

И я рассказала. Я даже не подозревала, сколько переживаний успело накопиться в моей душе. Лекарь услышал о том, каким шоком явилось для меня завещание отца, а также о том, как я тревожилась и одновременно радовалась отъезду из пансиона. Я вспоминала, как холодно и недоброжелательно встретил меня виконт, для которого, как сразу стало понятно, я никогда не буду ничего значить. Я рассказывала о наличии у него любовницы буквально в нескольких комнатах от меня и о том, как страшно мне бывает при мысли, что я стану его женой и всю свою жизнь проведу в этом мрачном замке под тяжестью хмурого, осуждающего взгляда. Не знаю, сколько времени это заняло, но, закончив говорить, я почувствовала себя немного лучше.

Я откинулась на жесткую спинку скамейки, переводя дыхание. Эдмонд молчал; похоже, он попросту не знал, что сказать.

– Я... Рони, мне очень жаль, – проговорил он, беря меня за руку. – Я не знал, честное слово. Понимал, конечно, что это не брак по большой любви, но мало ли... Такие браки среди аристократов вообще редкость. Я понятия не имел, что все настолько... грустно.

Я невесело усмехнулась, отворачиваясь и вытирая глаза.

– Вы же слышали, как он разговаривал со мной тогда, в замке, когда мы познакомились. Будто я зарвавшаяся служанка, которая шляется по гостиным, не зная своего места.

– Это действительно показалось мне несколько странным, – осторожно признал Эдмонд. – Потому я и догнал вас потом. Но я подумал, это просто случайное недоразумение, возможно, какая-то мелкая ссора.

На этот раз я не просто усмехнулась, а рассмеялась.

– У нас вообще не бывает ссор, – сказала я, объясняя свое неуместное веселье. – Наши отношения чрезвычайно ровны и однообразны. Он просто ненавидит меня и не желает видеть. Вот только от женитьбы почему-то все равно не отказывается. Я не знаю почему. Устала ломать над этим голову. Скорее всего, из-за приданого. Больше я точно ни для чего ему не нужна.

– Вы не можете быть в этом уверены, – попытался возразить лекарь.

– Могу, – покачала я головой. – Это трудно объяснить и передать, Эдмонд. Надо просто видеть. Отношение проскальзывает в мелочах, в деталях. В выражении лица, повороте головы, интонациях – в тех редких случаях, когда он снисходит до того, чтобы хоть что-нибудь мне сказать. Изо дня в день, капля за каплей. Его раздражает мое присутствие. Ему ничего от меня не нужно. Даже... – я осеклась, чувствуя, что начинаю краснеть, но все-таки продолжила: – даже как женщина я ему не нужна.

– Значит, он просто полный идиот, – неожиданно сказал Эдмонд, и в его взгляде я прочитала совсем не то, что ожидала увидеть. Нечто принципиально отличавшееся от жалости или сочувствия.

Эдмонд крепче сжал мою руку. Я вдруг обнаружила, что сидим мы гораздо ближе друг к другу, чем прежде. Гораздо ближе, чем позволяли приличия. Но, к счастью, кругом ни души не было. А его лицо медленно приближалось к моему.

Я не на шутку напряглась. Что делать? Отстраниться? Убежать? Дать ему пощечину? Но пока я пыталась что-то решить, он уже коснулся губами моих губ, и что-то у меня внутри растаяло от этого прикосновения. И я слегка приоткрыла рот, отвечая на его поцелуй. Первый поцелуй в моей жизни. Сперва я отвечала ему неуверенно и неумело, но, как оказалось, в подобных вопросах учиться легко и приятно. Эдмонд был во всем очень нежен: и в том, как он обнимал меня за талию, и в том, как целовал мои губы, и в том, как, отстранившись, мягко провел пальцами по моему лицу, утирая последние слезинки.

Ни один мужчина никогда не был со мной так нежен. Кавалеров у меня никогда и не было: я слишком рано попала в пансион, а что касается отца... Отца я вообще видела в своей жизни довольно-таки мало, что уж там говорить о нежности. Когда-то у них были

отношения с моей матерью, он зачал ей ребенка, но это был мезальянс, и о женитьбе речи не шло. Нет, отец нас не бросил, он всю жизнь нас обеспечивал, так что мы никогда ни в чем не нуждались. Но приезжал он редко. Насколько мне известно, большую часть времени он и вовсе проводил за границей. Была у него такая странность – тяга к путешествиям, и я даже толком не знала, просто так он ездит по разным странам или занимается там какими-то делами. Так или иначе, факт остается фактом: в моей жизни отец вроде бы и существовал, а вроде бы его и не было.

Я все-таки смешалась и отвернулась, не зная, как встретить теперь его взгляд.

– Рони, простите меня, – тихо сказал Эдмонд. – Я... не сдержался. Это никогда больше не повторится, если вы не захотите.

Я молчала. И лучше бы, чтобы не повторялось. Вот только конечно же я хотела.

– Только, пожалуйста, запомните одно. – Он снова осторожно взял мою руку. – Если вам понадобится помощь, я всегда буду рядом. Я постараюсь бывать в замке как можно чаще. И сделаю все, чтобы не дать вас в обиду. Пожалуйста, не отказывайтесь.

Я не отказывалась. Вот только что может сделать лекарь против виконта? Даже при самых лучших побуждениях?

Глава 4

Время шло, а течение жизни в замке не менялось. С назначением дня свадьбы виконт не торопился, и я была последним человеком, который стал бы его к этому подталкивать. Мысль о том, что рано или поздно мне все-таки придется пойти с ним под венец, а потом и в опочивальню, с каждым днем пугала все больше. И я все сильнее и сильнее ненавидела виконта.

Мы несколько раз встречались с Эдмондом на территории замка, а также во время богослужений. Разговаривали, когда была такая возможность. Я делилась с ним своими переживаниями, более не опасаясь вероломства с его стороны. Он старался меня успокоить и поддерживать. Развлекал всякими смешными историями из собственной практики. Рассказывал о своей юности, которая прошла недалеко от моего родного Мэйриджа.

Лишь дважды мы могли быть уверены, что действительно остались наедине и нас никто не увидит. Тогда мы целовались, жадно ловя каждую секунду, которую могли провести в объятиях друг друга. Поцелуи Эдмонда постепенно становились все более страстными. Я корила себя за то, что поступаю неправильно, но ничего не могла с собой поделать. Или не хотела. Эти встречи были единственным, что держало меня на плаву, и, откажись я от них, мне осталось бы лишь покорно пойти ко дну.

Однажды после полудня Эдмонд отправился на второй этаж, чтобы осмотреть занемогшую горничную, а я решила выйти подышать свежим воздухом. Спустилась в тот самый зал, где несколько недель назад стояла под жадными взглядами многочисленных слуг. И, возле самого выхода, столкнулась с виконтом. Он только что откуда-то возвратился: по полу резко стучали каблуки сапог для верховой езды, за спиной развивался плащ, на поясе висел меч... а рубашка была забрызгана кровью.

– Вы ранены?

Кажется, я чуть ли не впервые за все время решила заговорить с ним сама, первой.

– Нет, – лаконично ответил он.

– А... как же кровь?

– Не моя. Кровь еще одного идиота, который вздумал совать свой нос в чужие дела. Почисти! – Он перебросил меч подоспевшему оружейнику. Клинок действительно был перепачкан в крови. – Простите меня, леди. Мне надо переодеться.

С этими словами виконт быстрым шагом пересек зал и стал подниматься по лестнице.

Гулять мне резко расхотелось. Когда я возвратилась в свою спальню, меня начало трясти. Что означали эти слова про «еще одного идиота»? Это был намек? Возможно, он давал понять, что будет со мной, если я стану совать свой нос куда не следует?

Вечером история получила продолжение. Так случилось, что я была в коридоре, когда в дверь виконта постучался дворецкий.

– Что еще?

Голос из глубины комнаты прозвучал грубо и вообще как-то странно, словно у говорившего слегка заплетался язык.

– Господин виконт, там внизу люди шерифа, – извиняющимся тоном произнес дворецкий. – Они хотели бы поговорить с вами о сегодняшнем инциденте.

Виконт приблизился к двери. Походка у него была слегка шатающейся, белки глаз испещрили красные прожилки. Дворецкий отступил обратно в коридор.

– Что, это ничтожество уже успело оклематься и настрочить жалобу? – Я наконец-то поняла, что не так с виконтом: он просто-напросто был пьян. – Мне следовало обойтись с ним более жестко. В следующий раз буду иметь в виду.

– Что прикажете передать ожидающим? – осведомился дворецкий вполне невозмутимо.

Я бы сказала, чересчур невозмутимо с учетом обстоятельств.

– Передай, чтобы ожидали где-нибудь в другом месте, – отрезал виконт.

– Они очень просили их принять, – на всякий случай сообщил дворецкий. – Сказали, что много времени это не займет, что им и так все ясно, они лишь хотели уточнить несколько деталей, чтобы можно было считать дело закрытым.

Я отчетливо слышала шумное, тяжелое дыхание виконта.

– Пускай приходят завтра. Я их приму. А сейчас меня не беспокоить.

Дверь захлопнулась так громко, что я вздрогнула. И вновь поспешила возвратиться к себе.

В ту ночь я очень плохо спала. И назавтра чувствовала себя совершенно разбитой. Мимо покоев виконта прошла практически на цыпочках. Мне все казалось, что дверь внезапно распахнется и... Я и сама не знала, что должно было случиться потом. И все равно мне было страшно.

В тот день в замок снова приехал Эдмонд. Он быстро заметил мое состояние, а может быть, обратил внимание на бледность лица и залегшие под глазами синяки.

– Что с тобой, Рони? – спросил он. Мы давно уже перешли на «ты», я даже не смогла бы припомнить, когда именно. – Что-то произошло? Он тебя обидел?

Опустив глаза, я покачала головой.

– Пойдем со мной.

Пользуясь тем, что мы были одни, он схватил меня за руку и вывел в сад. Здесь было много густой растительности, а людей, напротив, всегда бывало мало, и потому мы нередко разговаривали, сидя на одной из скамеек.

– Скажи мне, что случилось, – настойчиво произнес Эдмонд, садясь рядом и заглядывая мне в глаза.

– Ничего. – Я снова мотнула головой. А потом меня будто прорвало. – Я боюсь его, Эдмонд. Ужасно боюсь. – На глаза набежали слезы. – У меня кровь стынет в жилах при каждом его приближении. Я думала, это пройдет, со временем привыкну и станет легче, но нет, день ото дня становится только хуже! И мне кажется, что он может сделать со мной что-нибудь очень плохое за любую провинность, даже самую пустяковую. Ему ничто не указ, даже от представителей шерифа он отделяется одним взмахом руки. Он страшный человек, теперь я это ясно вижу, и меня смертельно, просто смертельно пугает мысль о том, что мне придется выйти за него замуж. Мне всегда казалось, что я сильная, я выдержала четыре года в пансионе, справилась там со всеми трудностями, но сейчас я поняла, что ничего не могу. Он будто держит меня, придавленную к полу ногтем, и если до сих пор не раздавил, то только потому, что ему нравится такая игра.

– Мерзавец, – произнес сквозь зубы Эдмонд.

– Я могу и ошибаться, – неуверенно пробормотала я. – Он ничего такого пока еще не сделал...

– Не сделал?! – Я даже не думала, что лекарь способен на такую ярость. – Да посмотри, до какого состояния он тебя довел! За одно это он заслужил короткую дорогу к демонам!

– Мне не нужно, чтобы он отправлялся к демонам, – отозвалась я. – Мне совершенно все равно, что с ним будет, и на этом свете, и на том, лишь бы он оставил меня в покое. Но он все равно этого не сделает. Это самое страшное. Он меня не отпустит. А брачная ночь... Знаешь, я никогда не относилась к этому излишне романтично. У нас были девчонки, которые находили способ сбежать из пансиона на пару часов, чтобы встретиться с местными парнями. Я никогда не понимала, зачем они так рискуют, но... В общем, не важно. Сейчас мне кажется, что брачную ночь с виконтом я просто не переживу.

Эдмонд сжал руки в кулаки.

– Он тебя не получит, – негромко, но как-то очень твердо сказал он.

– Ага, а то он тебя или меня спросит, – буркнула я. – Правда, у меня такое чувство, что ему и самому я не нужна. Но это ведь ничего не меняет.

– Идиот! Он просто не понимает, какое ему досталось сокровище, – зло прошептал Эдмонд.

– Про сокровище он как раз все прекрасно понимает, – хмуро заверила я. – Прикарманил сундучок с самого начала, еще раньше, чем меня в комнату устроили.

– Я не о приданом, – покачал головой лекарь. – Я о тебе.

– Да тоже мне, большое сокровище, – принужденно рассмеялась я.

– Еще какое. – Эдмонд поглядел на меня, прикусив губу, словно что-то обдумывал, а потом, решившись, быстро заговорил: – Послушай меня, Рони. Я всего лишь простой лекарь. Я не могу заставить виконта поступать благородно. Не могу призвать его к ответу, даже на поединок вызвать не могу. Он просто рассмеется мне в лицо, да и, будем откровенны, с травами и порошками я умею обходиться куда лучше, чем с мечом. Но я могу увезти тебя отсюда. Далеко-далеко, так, чтобы ты стряхнула прах этой земли со своих ног. Туда, где виконт тебя не найдет. И никогда больше не потревожит твой покой.

Я смотрела на Эдмонда непонимающе; смысл сказанного постепенно, капля за каплей, проникал в мое сознание. Одна только мысль о том, чтобы уехать и никогда больше не увидеть виконта, будоражила кровь, грозясь привести меня в состояние эйфории. Но я старательно останавливала готовое разгуляться воображение.

– Ты предлагаешь мне бежать? – с сомнением спросила я.

– Да. – Голос Эдмонда звучал решительно.

Хмурясь, я вгляделась в его глаза, пытаюсь определить, не шутит ли он. Взгляд лекаря был предельно серьезен.

– Нет, – покачала головой я. – Эдмонд, я не могу. Это... Это опасно и нереализуемо, и потом... Прости меня, но я просто не могу бежать вот так с мужчиной.

Сколь мне ни хотелось раз и навсегда покинуть замок, я старалась мыслить трезво. Допустим, сейчас Эдмонд хорошо ко мне относится и хочет мне помочь, но что будет дальше? Однажды я ему надоем, он уйдет, а я останусь ни с чем. Без средств к существованию, без знания жизни и в придачу с подмоченной репутацией.

– Это ты меня прости, – возразил он. – Я выразился недостаточно ясно. Рони, я прошу тебя стать моей женой.

– Ты просишь... что? – ошеломленно переспросила я.

Эдмонд взял меня за руку и жарко произнес:

– Рони, я прошу тебя выйти за меня замуж.

Я смотрела на него недоверчиво. Все звуки дневного сада как-то незаметно смолкли; в ушах стучала кровь, а мозг готов был взорваться. Сбежать с Эдмондом, выйти за него замуж? Вместо всех страшных картин той жизни, которая казалась минуту назад неминуемой, уехать отсюда навсегда, зажить своим домом вместе с человеком, который будет относиться ко мне совершенно иначе, чем виконт?

– Я понимаю, Рони, я всего лишь лекарь. – Эдмонд интерпретировал мое изумленное молчание по-своему. – Я никогда не смогу тебе дать того, что есть у виконта. У меня нет ни таких денег, ни замка, ни власти.

Я хотела остановить его уже после этих слов, объяснить, что при всех несомненных достоинствах благ, имевшихся в распоряжении виконта, у них был один огромный недостаток: к ним прилагался виконт. Но Эдмонд лишь качнул головой, настаивая на возможности договорить.

– Я не смогу сделать тебя хозяйкой виконтства...

Хозяйкой? Можно подумать, виконт собирается сделать меня хозяйкой!

– ...Но я люблю тебя, Рони. Я смогу окружить тебя заботой. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы ты была счастлива. К тому же пусть я не дворянин, но все-таки и не нищий. Мы можем уехать в дом моей матери, там, недалеко от Мэйриджа. У меня есть профессия, она дает возможность вполне достойного существования. Постепенно мы могли бы скопить достаточно денег...

Я приложила руку к его губам.

– Эдмонд, что бы я ни решила, это не будет иметь отношения к финансам. Я знаю, что ты не нищенствуешь. Дело не в этом. Просто...

Я не знала, как продолжить. Не знала, что сказать. И как быть.

Эдмонд нежно поцеловал мои пальцы.

– Обещай мне подумать, Рони, хорошо? Я ни в коем случае не хочу на тебя давить. Я и без того знаю, что все это выглядит не слишком хорошо. Так, будто я пользуюсь ситуацией. Но что я должен был делать, скажи мне? Я вижу, насколько ты несчастна. А виконт может в любую минуту назначить день венчания. И станет слишком поздно.

Я непроизвольно сцепила руки при этих словах.

– Я подумаю, Эдмонд. Обещаю. И скоро дам тебе ответ.

И я стала думать. Думала по дороге из сада в замок. Думала, поднимаясь по лестнице под мрачными взглядами возвышавшихся на втором этаже статуй. Думала, когда ходила из угла в угол по комнате, отчего-то казавшейся сейчас безумно маленькой. Думала, лежа в постели, из-за чего так и проворочалась всю ночь, не в силах уснуть.

Сердце заходило от ощущения тепла, уюта и нежности при мысли о том, что Эдмонд сделал мне предложение, признался в любви, хочет всю свою жизнь провести рядом со мной. И я, сомнений нет, по-настоящему ему нужна, а я ведь уже отвыкла чувствовать себя кому-то нужной. Но мысль о том, что сделает с нами обоими виконт, если побег не удастся, наполняла сердце ледяным страхом. Я не питала в этой связи никаких иллюзий. В пансионе нам достаточно доходчиво объяснили, как мужья поступают с неверными женами и их любовниками. И, главное, право поступать подобным образом за ними признает и закон богов, и закон короля.

Душевное равновесие вновь возвращалось ко мне при мысли о том, что в случае удачи я никогда больше не увижу виконта. Но надолго я не успокаивалась, а задумывалась о том, были ли со мной искренен Эдмонд. Что, если свое предложение он сделал из корыстных побуждений?

Впрочем, последние сомнения развеялись быстро. Мое приданое было у виконта, и Эдмонд прекрасно об этом знал. Глупо было бы рассчитывать, что до отцовского наследства удастся добраться. Если мне суждено убежать, то драгоценные камни останутся виконту в качестве откупного. Не могу сказать, что у меня совсем уж не было никаких сожалений по этому поводу. Налаживать новую жизнь лучше с состоянием, чем без него. Но ради того, чтобы навсегда забыть мрачные глаза виконта, я была вполне готова на эту жертву.

И наконец к утру я приняла решение. И только тогда отчетливо поняла, что никакого другого выхода у меня не было. Я приму предложение Эдмонда и сбегу с ним. Во всяком случае, попытаюсь сбежать. А там будь что будет. Остаться у виконта и выйти за него замуж я все равно не могу. Это выше моих сил. Если он меня нагонит... значит, такая моя судьба.

После того как я приняла решение, мне сразу же стало намного легче. Я ненавижу чувствовать себя беспомощной. Теперь же у меня была цель, и ради ее достижения я могла действовать. Какой бы ни была степень риска, так все равно лучше, чем ждать заклания, подобно жертвенной овце.

Я встретила Эдмонда ближе к полудню, когда, стоя на коленях возле какого-то незадачливого стражника, лекарь накладывал перевязку на его вывихнутую ногу. Я видела тот полный напряжения взгляд, который устремил на меня Эдмонд. Он ждал ответа. Я не могла дать ответ сейчас. Вместо этого я демонстративно прошла к боковой двери, предназначенной в первую очередь для слуг, но зато выведившей из замка напрямую в сад. Теперь Эдмонд будет знать, что, когда освободится, сможет найти меня там.

Он нашел. Я провела среди вязов, яблонь и розовых кустов три четверти часа, но, когда уже совсем начала терять терпение, услышала шорох знакомых шагов.

– Я согласна, – просто сказала я, не заставляя его ждать, нервничать и лишний раз заглядывать мне в глаза с видом неприкаянного, но преданного пса.

Он обнял меня, прижал к себе, потом долго целовал, словно не мог остановиться. В саду, как всегда, было пусто, но кроме того, нас скрывал от посторонних глаз широкий древесный ствол и густая листва.

– Я люблю тебя, Рони, – сказал Эдмонд, по-прежнему удерживая меня в объятиях. – Я сделаю все, чтобы ты никогда об этом не пожалела.

– Я не пожалею. – Я нежно погладила его по щеке. – Но ты понимаешь, насколько это может быть опасно? Мне нечего терять, но если нас догонят... Виконт может жестоко обойтись и с тобой.

– Я не боюсь, – уверенно покачал головой Эдмонд. – Но мы конечно же постараемся сделать все, чтобы этого не случилось.

– У тебя есть какой-то план?

– Есть. Знаю, это было самонадеянно, но я успел все обдумать. – Слабая улыбка пробежала по лицу Эдмонда, выглядел он в этот момент на удивление уязвимо. – Я очень боялся, что ты мне откажешь. Но решил, что, если уж все равно буду всю ночь ходить из угла в угол, лучше делать это с пользой. Поэтому я обдумывал план побега, надеюсь, что судьба мне улыбнется и он все-таки пригодится.

Он поцеловал мою руку. Я легонько сжала его пальцы.

– Тогда что мы будем делать?

– На окраине города есть один храм. Совсем небольшой, прихожан там бывает мало, но жрец – хороший человек, и я давно с ним знаком. Я договорюсь с ним, он не откажется нас обвенчать. Мы отправимся прямо туда. Храм будет нам убежищем. А после того как ты станешь моей женой перед Тριάдой, виконт вынужден будет с этим смириться... Как минимум, у нас повысятся шансы. Но мы не станем искушать судьбу, и уедем, как только церемония будет закончена. Поедем через леса, поначалу будем избегать трактиров и широких дорог. Я неплохо представляю себе маршрут, ведь мне как лекарю приходится бывать в самых разных местах. На ночлег можно будет остановиться в сторожке одного лесничего. А там чем дальше от замка, тем спокойнее мы сможем себя чувствовать. Когда же достигнем границ виконтства, и вовсе сможем вздохнуть свободно.

Я сосредоточенно кивнула. Меня очень радовало то, что мы поженимся прежде, чем пустимся в далекий путь. Слишком смущала перспектива путешествовать и ночевать вместе с мужчиной, который не был бы мне мужем. Возможно, это и глупо, быть может, я пребывала во власти предубеждений, но не уверена, что согласилась бы на такой расклад.

– Меня больше всего беспокоит, как незаметно уйти из замка, – с тревогой призналась я.

– Завтра будет дождь.

– Откуда ты знаешь?

Эдмонд улыбнулся.

– Много примет. Ласточки низко летают. Цветы – чувствуешь, как сильно они пахнут? Будет гроза. И, зная здешний климат, это надолго. Стража не будет приглядываться

к каждому, кто выходит из замка. Их больше интересуют входящие. Ты просто должна будешь взять плащ кого-нибудь из прислуги. И как следует в него закутаться, а на лицо опустить капюшон. В плохую погоду это никого не удивит. Тогда ты сможешь выйти за ворота неузнанной. А я буду ждать тебя с лошадьми. Справишься?

– Постараюсь.

Я знала, где висели плащи слуг. Незаметно взять один из них будет несложно. Надо просто найти момент, когда помещение окажется безлюдным. Слуг в замке не так уж и много. Виконт не любит, когда лишние люди крутятся под ногами.

– В таком случае я прямо сейчас займусь всеми приготовлениями, – решительно сказал Эдмонд.

– Успеешь до завтра?

– Успею. Не так уж и много нужно сделать. Купить для тебя лошадь, договориться со жрецом и собрать кое-какие вещи в дорогу. Завтра, начиная с десяти часов утра, чтобы не мозолить глаза страже, я буду ждать тебя в четверти мили к западу от ворот.

– Хорошо. Я приду, как только выдастся такая возможность.

Мы снова обнялись – крепко, как будто в последний раз. Кто мог знать, как все обернется? Потом я возвратилась в замок, а Эдмонд отправился готовить все для завтрашнего побега.

На следующий день действительно началась гроза. Небо прорезали разветвленные молнии. Казалось, будто невидимый рыбак раскинул сияющую сеть, стараясь поймать в нее как можно больше туч. Я любила смотреть на молнии. В них было что-то завораживающее, волшебное, невероятно красивое. Но сегодня мне было не до созерцания стихии.

Сперва воздух оставался чрезвычайно сухим. Дождя почти не было, на землю падали лишь редкие крупные капли. И я выжидала, поминутно выглядывая в окно. Путешествовать в сухую погоду гораздо приятнее, чем под струями воды. Но мне нужен был дождь, чтобы усыпить бдительность стражников и оправдать низко опущенный на лицо капюшон. Наконец, около половины одиннадцатого, стало моросить. Я решила дольше не испытывать судьбу и, взяв в руки уже украденный плащ, устремилась к двери.

Окинула последним взглядом комнату, в которой прожила последние несколько недель. Возможно, когда-нибудь я и стану вспоминать о ней с чувством ностальгии: память порой играет с людьми в очень странные игры. Пока же сожалений почти не было. Жаль было лишь шелковое зеленое платье, так и лежавшее на самом дне сундука, да набор дротиков. Чтобы не вызвать подозрений, мне следовало уйти налегке. Ну да ничего. Платье я все равно не носила, а дротики... может, и куплю себе когда-нибудь. Не такая уж дорогая это вещь. Лишь бы выбраться отсюда подобру-поздорову.

Кровь стыла в жилах, когда, закутавшись в плащ и опустив капюшон так низко, как только возможно, я проходила через ворота. Но стражники вообще не обратили на меня внимания. Прячась от усилившегося дождя под навесом, один из них лишь скользнул по мне коротким ленивым взглядом. Прилагая немалые усилия, чтобы не побежать – ведь, несмотря на непогоду, это могло выглядеть подозрительно, – я быстрым шагом устремилась на запад. Дождь потихоньку слабел, и плащ помогал довольно хорошо, а обувь я специально выбрала крепкую и непромокаемую. Капюшон серьезно ограничивал поле зрения, мешал смотреть по сторонам, но я не рискнула откинуть его даже тогда, когда дождь снова перешел в едва ощутимую морось. Мало ли кто мог случайно увидеть меня здесь.

Эдмонд ждал в условленном месте, держа в поводу двух оседланных лошадей. При виде меня он вздохнул с облегчением.

– Я боялся, что ты не придешь. Передумаешь в последний момент, – шепнул он мне.

– Я просто выжидала удобного момента. Едем?

– Да. Я договорился со жрецом, у него все готово. Мы должны спешить.

Глава 5

Дождь то едва моросил, то принимался лить с новой силой, и тогда по появившимся во дворе лужам начинали расходиться круги. Небо заволокли тучи, так что впервые за долгое время свечи пришлось зажечь уже с утра. Дамиан отошел от окна и снова взгляделся в доставленный недавно отчет. Информация была, мягко говоря, тревожащая. С вероломным лекарем следовало срочно разобраться. Дамиан лишь не мог решить, вызвать ли Лиера под предлогом мнимой болезни кого-нибудь из слуг или дожждаться, когда тот приедет сам. В последнее время лекарь зачастил в замок, и теперь виконт точно знал почему.

Короткий стук в дверь возвестил о приходе Эддингтона, офицера гарнизона и одного из тех немногих людей, которым Дамиан мог доверять.

– Плохие новости, – прямо с порога сказал тот. – Ее нигде нет. Похоже, они сбежали.

– Демоны! – Виконт с силой стукнул кулаком по столешнице. – Коней, быстро! – И в сердцах добавил: – Догоню – порублю на куски.

Эддингтон поспешил вниз по лестнице, выполнять приказ. Дамиан на минуту задержался. Убрал лист с отчетом в ящик стола, запер ящик на замок, а ключ забрал с собой. И лишь затем почти выбежал из комнаты.

Войдя в храм, мы первым делом сбросили с себя намокшие плащи, а уж потом быстро зашагали через зал к алтарю, возле которого возвышались статуи богов. Здесь нас поджидал жрец, высокий худощавый мужчина лет тридцати пяти – сорока. В его темных волосах уже появились редкие вкрапления белизны; на висках же седина преобладала. Жрец кивнул Эдмонду, поздоровался со мной и, вытянув руку, показал, где нам становиться.

– Можем начинать? – спросил он.

Взгляд был внимательным и немного тревожным, но в целом излучал ту самую доброжелательность и поддержку, которые прихожанин, как правило, жаждет найти у своего духовника.

– Да, – кивнул Эдмонд. – Начинаем, и как можно быстрее.

– Я все помню, – кивнул жрец, – и обойдусь только необходимой частью.

Мы опустились на колени перед алтарем.

– Учителя и ученики, мы собрались здесь, чтобы увидеть, как этот мужчина и эта женщина сочетаются незыблемыми узами брака пред взорами богов...

Перед жрецом лежала раскрытая книга, без сомнения содержавшая весь текст церемонии, дополненный всевозможными поправками, опциями и замечаниями. Однако жрец ни разу даже не взглянул на потрепанные, чуть пожелтевшие страницы, из чего я заключила, что он – священнослужитель со стажем, проводивший свадебные церемонии много десятков, если не сотен, раз.

– Брак есть важнейший из союзов, заключаемый на земле и на небесах, закрепляемый водой, воздухом и землей, освящаемый взорами Делва, Калма и Рейи. Никто из живущих не вправе расторгнуть этот союз, заключенный в храме Триады с соблюдением многовековых правил. Если кто-нибудь знает о причине, по которой этот мужчина и эта женщина не могут сочетаться законным браком, пусть скажет об этом сейчас или молчит во веки веков.

– Я знаю о такой причине, – раздался спокойный голос.

Я обернулась и почувствовала, как сердце стремительно падает куда-то вниз, подобно покорителю гор, у которого внезапно оборвалась веревка. Виконт стоял, прислонившись плечом к стене недалеко от дверей, а в зал тем временем один за другим входили воины.

– Эта женщина – моя невеста, – все так же спокойно продолжил виконт, неспешно приближаясь к нам. – А этот мужчина незаконно ее похитил.

Мы с Эдмондом поспешно поднялись с колен. Я физически ощущала, как отчаяние заполняет все мое существо. Размеренные шаги виконта гулко отдавались под сводом храма, и мне казалось, что его рука уже сжимает мое горло.

Не я одна чувствовала исходящую от виконта угрозу. Жрец покинул свое место у алтаря и выступил вперед.

– Господин виконт, хочу напомнить вам, что вы находитесь в доме Триады. – Священнослужитель был взволнован, но тем не менее сказал то, что считал своим долгом сказать. – Здесь нельзя проливать кровь.

– Разве кто-то проливает кровь? – изумился виконт. – Как видите, я даже не обнажил оружия.

При этом он многозначительно опустил свою руку на рукоять меча. И, более не обращая на жреца никакого внимания, продолжил шагать в нашем с Эдмондом направлении.

– Ну что, господин лекарь, полагаю, нам есть о чем поговорить?

Трудно было не разобрать угрозу в интонациях виконта. И я шагнула ему навстречу, перекрывая дорогу к Эдмонду.

– Не трогайте его! – Я заставила себя смотреть ему прямо в глаза. – Вам ведь нужна я. Вот и наказывайте меня. Я здесь и обещаю, что больше никуда не убегу. Только дайте ему уйти.

Виконт взглянул на меня как-то странно, по-новому. С интересом?

– А ты смелая девочка.

В его голосе мне почудилось нечто вроде одобрения.

Затем он взял меня за плечи и попросту отодвинул в сторону, а сам направился дальше, в сторону Эдмонда.

– Ты знаешь, что после такого поступка я имею право сделать с тобой все, что взбредет мне в голову? – жестко спросил он.

Судя по тому, как вжал голову в плечи Эдмонд, он знал.

И ни малейшей жалости его смятение в сердце виконта не вызвало.

– Сейчас я прикажу привязать тебя к лошадиному хвосту и пустить лошадь галопом, – произнес он, чеканя слова. – И посмотрим, сколько ты выдержишься. Впрочем, – продолжил он после короткой паузы, – я могу обойтись с тобой и менее жестоко. При условии, что ты прямо сейчас, коротко и внятно, расскажешь ей, для чего ты все это устроил.

Я непонимающе нахмурилась. Что значит «для чего»? Видимо, он сам настолько равнодушен к собственной невесте, что даже не понимает, почему кто-нибудь другой может захотеть на ней жениться... Но, когда я перевела взгляд на Эдмонда, мне стало очевидно: этот хорошо знает, о чем идет речь.

Тяжело дыша, Эдмонд облизнул пересохшие губы. Устремил на меня затравленный взгляд, потом перевел его на виконта. Покосился на троих расположившихся неподалеку от выхода воинов.

– Хорошо, – хрипло сказал он.

– Вот и молодец, хороший мальчик, – похвалил виконт. – Оставьте нас!

Последние слова он произнес громче. Воины – два солдата и офицер, – не задавая лишних вопросов, вышли за двери. Виконт перевел взгляд на жреца.

– Вы тоже, учитель.

Жрец изумленно захолопал глазами: похоже, такой наглости он никак не ожидал.

– Господин виконт, вы забываете, что здесь храм Триады, а я – жрец и служитель этого храма! – возмущенно воскликнул он. – Вы не можете приказать мне покинуть дом богов!

– Именно поэтому я не приказываю, а просто прошу, – спокойно, даже почтительно откликнулся виконт, после чего многозначительно добавил: – Пока.

Немного подумав и, видимо, придя к выводу, что лучше будет подчиниться просьбе виконта, жрец нехотя, то и дело озираясь, пошел к выходу и покинул храм следом за воинами.

– Можешь приступить, – кивнул Эдмонду виконт, когда за жрецом закрылись двери и мы остались в доме Триады втроем.

Тот снова нервно облизнул губы.

– Видишь ли, Рони... – начал он. Услышав это обращение, виконт удивленно изогнул брови, но ничего не сказал. – Я... Есть одна девушка. Мы с ней обручены. Но она больна. Очень больна. Это наследственный недуг, он неизлечим. Неделю за неделей, месяц за месяцем ей становится все хуже. Она медленно угасает, и нет лекарства, которое могло бы ей помочь. – Он помолчал, а затем быстро произнес: – Поэтому мне понадобилась твоя кровь.

В голове был туман с самых первых слов, но я все равно пыталась понять. Да, у меня действительно необычная кровь, она обладает целительным действием, поэтому я никогда не болею и даже могу с ее помощью излечить других. Скажем, заживить ранку или победить простуду, для этого достаточно всего нескольких капель. Но вовсе не справиться с такой серьезной болезнью!

А Эдмонд все продолжал говорить:

– Я никогда бы не поступил так, если бы у меня был другой выбор. Но его просто нет. Я говорил тебе, что жил недалеко от Мэйриджа. Но я солгал в другом: я много слышал о вашем поместье и, так уж сложилось, знал о твоей... особенности. И когда выяснил, что именно ты приезжаешь в замок, чтобы выйти замуж за виконта, решил, что это судьба. Прости меня, Рони, но я не мог упустить этот шанс. Поэтому я познакомился с тобой, стал ухаживать и даже подкупил гадалку... чтобы в конечном счете уговорить тебя сбежать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.